

Об учебе в Кружке юных биологов Московского зоопарка в 1940–е годы, об экспедициях в заповедники и стройке на биостанции МГУ

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1482>

4 ноября 2012

Собеседники

Мина Михаил Валентинович, Клевезаль Галина Александровна

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 4 ноября 2012 и опубликована 15 марта 2013.

Введение

Основная тема беседы с известными биологами, докторами биологических наук Михаилом Валентиновичем Миной и Галиной Александровной Клевезаль — КЮБЗ, уникальное юннатское объединение при Московском зоопарке, через которое прошли буквально сотни наших ученых. В собрании отдела устной истории КЮБЗ фигурирует не раз, а воспоминания Петра Петровича Смолина, одного из основателей кружка, были изданы отдельной книгой. Собеседники вспоминают своих друзей, атмосферу, занятия и традиции кружка, которые пригодились им в годы учебы в университете. Рассказывают об экспедициях, ставших школой не только науки, но и жизни, о «дедовщине» и «кастах» в КЮБЗе и о том, как участвовали в строительстве биостанции МГУ на Белом море.

Николай Александрович Формозов: Наверное, имеет смысл начать разговор с вашего общего КЮБЗовского детства? Или можно еще дальше, к родословной?

Михаил Валентинович Мина: Глыбже. *(Смеется.)*

Н.Ф.: Глыбже!? Да, как вам хочется?

М.М.: Ну, «lady'sfirst». Давай, излагай.

Галина Александровна Клевезаль: Про родословную особенно говорить нечего, поскольку отец умер, когда мне был год, за год до войны. Растила мама. Я была младшая в семье, мама — учительница, работала в две смены, ей было не сильно до меня. Еще была бабушка жива, естественно, без всякой пенсии, как попадья, поскольку деда репрессировали. Я была предоставлена самой себе.

Н.Ф.: Бабушка — мамина мама?

Г.К.: Мамина мама, да. И я в четвертом классе попала во Дворец пионеров в ботанический кружок, он так назывался. Там был замечательный преподаватель, наверное, он туда попал после 1948 года в связи с этим... Например, он нам названия растений говорил только по-латыни. И я довольно долго, уже в восьмом классе, когда уже была в КЮБЗе, попала на олимпиаду в университете. И вдруг там прошел слух: «Спрашивают растения», все ко мне: «Ну, скажи, скажи». Я говорю: «Вот это *Begoniasemperflorens*». «Зачем ты говоришь... скажи по-русски». А я не знаю по-русски. Я считала, что это название. И потом только сообразила, понимая, что есть латинские названия у животных, и нас просто учили латинским названиям у растений. Но в этом кружке я не сильно прижилась, вернее, мне там не сильно понравилось.

Н.Ф.: А как звали преподавателя, не помните?

Г.К.: Не помню, к сожалению. Как выглядит, помню, а как звали, не помню. Помню прекрасно, где Дворец пионеров на Полянке, и как выглядела у нас ботаническая комната, а вот преподавателя...

Н.Ф.: Пожилой?

Г.К.: Пожилой человек, с бородой. Помню, что он был с бородой. Потом я как-то металась между разными своими увлечениями, и сказала мне одна моя подружка, что у нее есть друг, что он в КЮБЗе, что есть такой КЮБЗ при зоопарке. Там есть Ивантер, который ищет себе смену, для того чтобы заниматься тиграми. Представляете? *(смеются)* Значит, я была в седьмом классе.

КЮБЗ

М.М.: Ивантер в девятом?

Н.Ф.: И он уже искал себе смену?

Г.К.: Нет, не в девятом. Ивантер, по-моему, уже студентом был.

М.М.: Он на сколько нас старше, на четыре года?

Г.К.: Нет, по-моему, на пять. В общем, эта идея меня очень увлекла. Мне было сказано, куда пойти в зоопарке. А в зоопарке-то, конечно, замечательно. Там у КЮБЗа был отдельный домик.

Н.Ф.: Зелененький такой, я помню.

Г.К.: Да, отдельно стоящий домик и к нему такой садик. Я подошла к этому домику и тут, честно говоря, испугалась. Домик, какие-то люди, мне незнакомые шныряют, разного возраста. А в этом садике девчушка, моложе меня. Я была в седьмом классе, значит, Марьянка была в четвертом. С такими кудряшками. Я стою робко, а она: «Ты что? Ты сюда хочешь? Пойдем, пойдём!» Взяла меня за руку и привела туда.

Н.Ф.: Четвероклассница — семиклассницу?

Г.К.: Четвероклассница семиклассницу привела. Помню, у нас был совершенно замечательный Новомир Васильевич Лысогоров. Но приходила я не при нем. Или при нем? Может быть, и при нем. В общем, когда я пришла, меня спросили, во-первых, как я учусь, потому что с двойками не принимали. Я сказала, что тут все в порядке. А потом, прежде чем поступить, я должна сделать самостоятельную работу. Мне, почему-то, предложили не тигра, а предложили снежного барса.

Н.Ф.: Тоже ничего.

Г.К.: Тоже ничего. Мне было сказано, как эту работу сделать. Я пришла домой, все сделала. А у меня сестрица, старше меня на семь лет, художница, но не профессиональный художник. Она художником по вышивке потом стала, когда уже получила образование.

М.М.: То есть профессиональный художник по народным промыслам, она учила народ, как ему рисовать.

Г.К.: Действительно, она в Палехе преподавала живопись и композицию.

М.М.: В Холуе.

Г.К.: В Холуе, правильно, не в Палехе, живопись и композицию. Так она нарисовала на обложке еще ирбиса, естественно, срисовала с какой-то картинки. Когда я пришла сдавать работу: «Ой, слушайте, это вы так рисуете?» Пришлось сказать, что, увы, нет, это не я так рисую. Что в КЮБЗе пленило? Не то, чтобы такая уж там сначала наука была. Сначала для меня это был просто интересный коллектив.

Н.Ф.: Детей?

Г.К.: Да, коллектив детей, безумно интересный.

Н.Ф.: А кто был руководителем в тот момент, когда вы пришли?

Г.К.: По-моему, Новомир Васильевич Лысогоров. Он был очень недолго. Личность абсолютно замечательная, нам казалось. И даже потом, мы, будучи на Белом море, работали в стройбригаде. Помнишь, Миша? Он попал как-то на Белое море, Новомир Васильевич. Мы все к нему бросились (это наш первый курс, мы выбираем себе дальше кафедру): «Подскажите нам дальнейший путь. Куда лучше идти? Чем лучше заниматься в биологии?» Я помню, он был этим несколько даже смущен, помнишь?

М.М.: Помню, помню.

Г.К.: Мы долго с ним беседовали.

Н.Ф.: А вы бросились вместе с Михаилом Валентиновичем?

М.М.: Ну я-то постарше, с КЮБЗовским стажем.

Г.К.: А когда я Мишу первый раз увидела, могу сказать. Он там бывал нечасто. Я первое время бывала пять раз в неделю, хотя каждый день с Серпуховки было не сильно близко, с Люсиновской улицы. Тем более что я лихо прошла боевое крещение. Там же всех новичков... довольно издевательски. Делали так, ты идешь: «Слушай, вот кружка, поддержи-ка ее вот так». Дают тебе палку, кружку к потолку, и палкой «поддержи, пожалуйста».

Н.Ф.: Это такая дедовщина.

Г.К.: Дедовщина, да. «Держишь? Ну и держи». И ты стоишь, как идиот, и держишь, а все вокруг смотрят и смеются: что ты сделаешь? Помню, я была горда, что сумела кружку сбить в сторону этой палкой, на которой я ее держала. Вот так, раз — и отскочила, кружка на меня не попала.

Н.Ф.: С водой?

Г.К.: С водой, естественно! А иначе чего же — без воды? Поэтому я в коллектив вошла без ущерба для собственного...

М.М.: Здоровья.

Г.К.: Здоровья и имиджа, для собственного состояния. И там мне очень нравилось. Я уже там была несколько месяцев, и вдруг я захожу, а там в домике был такой длинный-длинный стол, за ним всегда сидели, беседовали и в «пятак» играли, а потом там и семинары проводили.

Н.Ф.: Пятак —то гоп-доп?

Г.К.: Нет.

М.М.: Почти гоп-доп. Там только не говорится, а просто передается, потом прячут под столом.

Н.Ф.: «Копеечка» у нас называлось.

Г.К.: А у нас «пятак». И я смотрю, сидят большие ребята, которые много меня старше, и какого-то маленького шпендрика с интересом слушают. Я еще подумала: «Как им не стыдно, его из-за стола едва видно».

Н.Ф.: (Смеется.) Вы его слушаете теперь всю жизнь, или он вас слушает?

Г.К.: Взаимно друг друга и слушаем. Скоро пятьдесят лет друг друга слушаем. Нет, до этого еще слушали в КЮБЗе.

М.М.: Мы еще девять лет до того были знакомы, так что вообще...

Н.Ф.: До того — это до свадьбы? А это было знакомство?

Г.К.: Да, но это было первое знакомство. Но я, честно говоря, на него внимания не обратила. Как, по-моему, и он на меня.

М.М.: Галя в то время — Пеппи Длинный чулок.

” Можно было выпускать ее в любой фильм в этом качестве. И чего-то она боялась? Это было незаметно. Была такая: веснушки в пол-лица, косицы в разные стороны, и, по-моему, ничего она не боялась. Даже прозвище у нее было «тигра» в КЮБЗе.

Н.Ф.: А вам удалось реализовать мечту сменить Ивантера на поприще...

Г.К.: Не знаю, удалось ли сменить, но заниматься тиграми я-таки стала. И тема у меня была... первая тема...

Н.Ф.: Прозвище отсюда?

Г.К.: С одной стороны, отсюда, а с другой стороны, немножко за характер.

Н.Ф.: За характер? Но Заходер тогда еще с Винни-Пухом не был известен?

Г.К. и М.М.: Не-е-т!

Г.К.: И почему именно Тигра? Поскольку я женского рода, так это и было — Тигра. Я уж не знаю, кто это прозвище придумал, как оно пошло.

М.М.: По-моему, Длусский, мне так кажется.

Г.К.: Я не помню.

Н.Ф.: Михаил Валентинович, а у вас какое было прозвище?

М.М.: Никакого. У меня фамилия вместо прозвища.

Н.Ф.: *(Смеется.)* Фамилия вместо прозвища?

М.М.: С моей фамилией прозвища уже не нужно.

Г.К.: Прозвища не нужно, да. В КЮБЗе занималась я биологией тигров в условиях зоопарка. Причем, это потрясающе... тигры же были в загонах.

М.М.: На острове зверей.

Г.К.: На острове зверей, в загоне, ров. И кто-то сдуру мне сказал, восьмикласснице, что тигру легко перепрыгнуть через этот ров, но только тигры об этом не догадываются.

М.М.: Поэтому не прыгают.

Г.К.: Поэтому не прыгают. И мне без конца снилось, что они-таки выпрыгнули, и моя задача, чтобы они никого не убили. А сама я безумно боюсь, от них бегаю. Снов довольно много таких было, но, тем не менее, я занималась биологией тигров в условиях зоопарка. А вторая тема — рыси, питание рысей, уже в клетках. И там интересный был биологический момент: две рыси, одну два года назад привезли с воли, а другая в зоопарке была уже давно, ей лет десять было. И я для изучения питания раздобыла где-то двух белых крыс и пустила в клетки к одной и к другой по белой крысе. Честно говоря, мне просто хотелось дать им нормальную пищу, живую. Так вот, двухлетняя рысь мгновенно, раз — и крысы нет. А старая испугалась, залезла на полбк, который у них там был, и пока крыса не нашла дырку и не удрала, она с полка не слезла. Вот такая штука.

Н.Ф.: Да, интересно.

Г.К.: КЮБЗ, конечно, вещь, но, я думаю, Миша про КЮБЗ интереснее расскажет.

” Там была не только вольница, но и такой немножко «Макаренко», потому что с нами занимались в основном старшие ребята, они, так сказать, нас образовывали.

Там были очень интересные семинары.

Н.Ф.: Какой был год, когда вы поступили в КЮБЗ?

Г.К.: В КЮБЗ я пришла в 53-м году.

Н.Ф.: Мантейфель был еще жив, но уже никаких связей не было с ним?

М.М.: Он иногда появлялся где-то, в качестве иконы.

Г.К.: Помнишь, он сидел, когда был первый юбилей, первое какое-то -летие КЮБЗа?

Н.Ф.: С Петром Петровичем Смолиным...

М.М.: Он в 49-м ушел.

Н.Ф.: Он ушел незадолго, да.

М.М.: И с ним ушел Яблоков, многие с ним ушли...

Г.К.: И образовался ВООП.

М.М.: Друзья-соперники.

Г.К.: Друзья-соперники, да. Вот семинары... Из семинаров я помню совершенно замечательный: Михаил Михайлович Герасимов рассказывал нам про восстановление лица по черепу. Совершенно фантастическая вещь! Так что, в общем, там интересно было. Семинары чаще всего были в домике,

но иногда, когда ожидали большое количество народу, семинар был в лектории. (*Обращаясь к Михаилу Валентиновичу*) Помнишь, ты был тогда, когда кто же... Рюмин нам рассказывал?» Семинар вел Рюмин, который увлекался рептилиями, не увлекался, он профессионал был. Он так увлеченно рассказывал, что семинар засиделся чуть ли не до двенадцати ночи, родители стали приходить: дети домой не вернулись. Это я просто помню, поскольку приходили родители.

Кюбзовское лето

Н.Ф.: А лето как проходило у вас?

Г.К.: Я поступила весной в КЮБЗ, первое лето прошло с моей двоюродной сестрой. Жена моего двоюродного брата (ее дочка была на два года меня моложе) меня и ее увезла на Украину, просто, так сказать, на лето. Я там вела дневник, пыталась смотреть за птицами, но еще кустарно, поскольку в КЮБЗе была очень мало и на выезды мало ездила, еще ничего не успела. А второе лето, после восьмого класса, я поехала с Карасёвой в Поречье-Рыбное с моей кюбзовской приятельницей Алёнкой Приданцевой, она потом стала химиком. Алёнка там была месяц, я была два. Там было очень интересно, но беда в том, что Карасёва, с которой я потом ближе познакомилась уже в студенческие годы, тогда жила отдельно, в отдельном домике (там снимали помещение), нами не интересовалась.

Н.Ф.: В каком смысле «не интересовалась»? То есть она вам ничего не показывала, не объясняла?

Г.К.: Нет, она объясняла, как ловить мышей и как их нужно приносить. А когда я пришла и сказала, что у меня скопили двадцать пять живоловок — пришла на площадку, а там трава поверху лежит — она сказала: «Иди, разбери и найди». Резонно, но не сказала, как это делать. И там были Андрей Ильенко и студентка Дженни. Вот Дженни со мной пошла, сказала: «Пойдем вместе и найдем». Действительно, взяли грабли, разгребли, нашли. Карасёва относилась ко мне очень пренебрежительно и имела основание, потому что сначала я потеряла свой собственный ножик, а морковку режут ножиком, естественно, на кусочки и насаживают как приманку.

Н.Ф.: А вы на морковку ловили, а не на стандартную приманку — хлеб с маслом?

Г.К.: Нет, ловили полевок, почему-то считалось, что надо на морковку.

Н.Ф.: То есть она уже занималась лептоспирозом, и это уже были канавки.

Г.К.: Да, приезжал туда Кучерук, это уже была медицинская зоология. А морковку резать — нужен ножик. Я потеряла ножик свой, я потеряла ножик ее, я потеряла ножик Дженни. Прекрасно помню, пришла, говорю: «Евгения Васильевна, ножика у меня нет». А там был Василий Васильевич Астафьев... Нет, не Астафьев... Их начальник отдела, вылетело из головы.

Н.Ф.: Алсуфьев?

Г.К.: Да, Алсуфьев. Он достает свой ножик, Карасёва говорит: «Она же потеряет его!» Он говорит: «Ну, почему же она его потеряет?» Я беру этот ножик как нечто совершенно драгоценное, опускаю в карман своей курточки. А по дороге я иду лугами замечательными. Это же еще пятнадцать лет, энергии много, естественно, начинаю кувыряться, а я обожала это занятие: сделать стойку, мостик, перевернуться, в общем, всякое такое... И, накувыркавшись, я, конечно, ножик потеряла и, как ни ползала в траве, его не нашла. Пришла и сказала: «И его я тоже потеряла».

Н.Ф.: А веревочку привязать?

Г.К.: Вот! Нужно было. Конечно, Карасёва считала нас сильно взрослыми. Ей бы сказать мне, дуре: «Вот ты потеряла два ножика, привяжи веревочку к третьему».

Н.Ф.: Ответ: она была кюбзовка, на самом деле, и считала, что учатся на собственных ошибках, что вам нужна свобода, и я думаю, что она совершенно намеренно не жила с вами в одном домике. Нет?

Г.К.: Наверное.

М.М.: Думаю, она просто не задумывалась. Я с ней не ездил, не знаю.

Г.К.: Да, не задумывалась на эту тему. Я с ней ездила после третьего курса, ужасно ей благодарна за те четыре месяца, потому что это был маршрут, мы были все вместе...

Н.Ф.: Уже интересно было.

Г.К.: Было очень интересно, с ней было очень интересно. Хотя она нас воспитывала довольно-таки жестко.

Н.Ф.: Сурово, да.

Г.К.: Почти кружкой по лбу, по-кюбзовски.

Н.Ф.: Евгения Васильевна... Меня поразило, что на ее похоронах... Вы были, когда ее хоронили?

Г.К.: Я была, естественно.

Н.Ф.: Татьяна Николаевна рассказывала, как она, будучи двенадцатилетней, поехала к отцу в лагерь. Женщина, которая ее сопровождала, узнала, что ее мужа перевели в другой лагерь и ей туда не надо ехать. И в двенадцать лет Евгения Васильевна села на баржу, поехала вверх по Печоре и последняя вообще из семьи видела отца, который там через несколько месяцев погиб. Она, конечно, уникальный была человек.

Г.К.: Она вообще человек была замечательный и уникальный. Если говорить о настоящем зоологическом образовании, то получила я его... Конечно, КЮБЗ дал начало, много всего интересного, но хорошую основу дала Евгения Васильевна уже на третьем курсе.

Н.Ф.: Так вот к этому лету. Что же Алсуфьев сказал?

Г.К.: Пожал плечами, что он мог сказать. Не помню, где мне нашли еще ножик.

Н.Ф.: Благородный человек.

Г.К.: Потом, опять же, поскольку лето, поскольку было жарко, по этой болотистой траве я ходила временами не в сапогах, а босиком. И начались жуткие нарывы на подошве.

Н.Ф.: Это был лептоспироз как раз?

Г.К.: Нет, не знаю, у меня никогда ничего не находили, я думаю, что просто занесла банальную грязь. Лимфоузлы не вспухали, температуры не было. Сидела я тогда в комнате, где мы жили: Андрей Ильенко, я, потом Смирин туда приехал, Юра Смирин, уже позже. И помню: сижу на топчане, на котором спала, свесив ноги, наступить на них не могу, там такие волдыри. А Андрей Ильенко, от которого я тогда была просто в восторге, человек, который умеет все, он и сам дробь льет, и сам... ну, вообще, всё, руки золотые. Например, я там вела хозяйство, готовила еду...

Н.Ф.: Это когда же было? Еще в детстве?

Г.К.: Восьмой класс.

Н.Ф.: Вели хозяйство?

Г.К.: Поскольку я вела хозяйство еще и дома, когда умерла бабушка. Я была в пятом классе, мама в две смены продолжала работать, нужно было жить, то я и взялась... Соседи помогали, там хозяйство нехитрое. И здесь я что-то готовила. И вот Андрей уходит на охоту и говорит: «Что сегодня на обед принести? Утку или тетерева?»

Н.Ф.: Ничего!

Г.К.: Я заказываю, и он именно это приносит. И когда я говорю: «Утку, но не широконоску, потому что ее,

заразу, не ощиплюсь», он принесет нужную утку. Нет, от Андрея Ильенко я была просто в упоении.

Н.Ф.: А он был уже студент?

М.М.: Сотрудник, наверное.

Г.К.: Он был либо студент, либо сотрудник. Он же поздно кончал университет. Не знаю, воевал он или нет, он был сильно старше. Если мне было пятнадцать, ему было тридцать, под тридцать. У него уже была дочка, он был женат. Он рассказывал — дочка Маринка. У него был очаровательный английский сеттер Ёла. И второй Алюль.

Н.Ф.: Там, с вами были?

Г.К.: С нами были Ёла и Алюль.

Н.Ф.: Два сеттера?

Г.К.: Два сеттера, замечательные совершенно. Я, когда приехала туда... мама дала с собой, естественно, какую-то еду, а я про нее забыла. Вынимаю из рюкзака резанные пласты сыра, абсолютно лиловые от плесени. Смотрю на них внимательно: что же делать, так жалко. (А я ценила продукты и деньги.) Подходит Алюль — оп, и нету ничего! Я не сказала Андрею, жутко боялась, что отравила собаку. И наблюдала за Алюлем, что с ним будет, сами понимаете. С Алюлем ничего не было.

М.М.: Человек — беда, понимаете!

Н.Ф.: Он был очень доволен. *(Смеется).*

Г.К.: Доволен, его так хорошо угостили, замечательное дело. И Андрей делал пареный лук, привязывал мне к этим нарывам пареный лук. И когда я смогла ходить, меня отправили домой раньше срока, немножко раньше срока, оставалось еще две недели, по-моему. Я уже ходить на ловушки не могла. Андрей меня проводил до электрички, дальше я поехала домой уже сама. Причем, Андрей меня проводил до электрички (электричка шла ночью), он сказал: «Я ложусь спать, ты меня разбудишь, во сколько-то... ночи». Так вот, чтобы не проспать, я вообще не спала, будильников не было.

” Потрясающая была ночь, так пели соловьи. Но я удивляюсь: видимо, не соловьи пели, хотя мне помнится — соловьи. Какие соловьи могли петь в августе?

Могли петь в августе соловьи? По-моему, уже поздно.

Н.Ф.: Уже поздновато, но, в общем, наверное, какие-то холостые соловьи могут долго петь.

Г.К.: Почему-то мне вспоминается соловьиное пение. В общем, ночь была совершенно замечательная.

М.М.: Может быть, дрозды имитировали.

Н.Ф.: Но, вообще, август уже не такое время.

Г.К.: Не такое. С птицами там было потрясающе, были варакушки, много всего интересного было. И потом, кроме ловушек, там была еще площадка с вкопанными цилиндрами. И раз в два часа круглосуточно мы должны были вынимать оттуда живых бурозубок. Сами понимаете, через два часа, иначе они там сдохнут. Почему-то тогда не клали туда в качестве приманки просто еду, не клали тухлятину. Может, и клали, но почему-то нужно было каждые два часа проверять.

Н.Ф.: Им греться еще надо, им надо вату какую-то, а вата мокнет.

Г.К.: А, может быть.

Н.Ф.: И потом трудно ловить в этой вате, не видно, попалась — не попалась.

Г.К.: И когда она перепачкается в этой грязи, которая там есть. Это, конечно, было мучительно, потому что комары ночью. Но, правда, не одну меня посылали, там такой Зойкин лес, вместе с Андреем, почему-то мы вдвоем. Не знаю, зачем я нужна была Андрею, честно говоря, почему вдвоем обходили эти канавки каждые два часа ночью.

Н.Ф.: Веселее.

Г.К.: Что ему, здоровому мужику, от меня много веселья было?

Н.Ф.: Конечно.

Г.К.: Он меня иногда жалел и не каждые два часа будил, иногда давал поспать четыре.

Н.Ф.: Не каждый день вы, посменно?

Г.К.: Посменно, посменно было. Не знаю, видимо, закрывали цилиндры в остальное время.

Н.Ф.: Закрывали.

Г.К.: Наверное, закрывали, потому что несколько было сеансов.

Помню, что комары были. Закутаешь лицо пальтушкой своей и через рукав дышишь, чтобы комар туда не пролез. Очень забавно.

Н.Ф.: Не было никаких репеллентов?

М.М.: Тогда уже... диметил, по-моему, был.

Н.Ф.: И накомарников не было, судя по всему?

Г.К.: Нет. Диметил был, когда мы после третьего курса. У меня была сетка Павловского. А тогда почему-то ничего не было. Может быть, тогда, понимаете, не было такого количества комаров, как потом. Может быть, просто мне казалось, что много комаров. А о репеллентах даже речи не было.

М.М.: Нет, я помню, в те времена был, лизол назывался, такая жидкость вонючая.

Н.Ф.: Да-да, страшная.

М.М.: Но он ни черта не помогал. Пропитывалась марля, и эта марля...

Н.Ф.: Отпугивающая.

М.М.: Должна была отпугивать, но, по-моему, комары этого не знали.

Г.К.: Потом, значит, я вернулась.

Н.Ф.: И как мама отнеслась к нарывам на пятках, на ногах?

Г.К.: Кто же это маме рассказывает, Коля, ну что вы. Поскольку я могла ходить...

Н.Ф.: Вы хромали еще?

Г.К.: Нет, я уже нормально ходила. По крайней мере, я не помню даже разговора об этом. Мама меня очень порадовала. Тогда на самом деле нам ничего не платили.

Н.Ф.: В экспедиции в смысле?

Г.К.: Работали за харчи. И у Карасёвой я так работала: дорога и харчи. То есть у меня на руках не было

ни копейки денег, когда я вернулась. А мама сказала: «Ты заработала сорок рублей». Или четыреста? Не помню. Нет, наверное, уже сорок. Когда смена-то была?

М.М.: Уже сорок, да.

Г.К.: Говорит, ты два месяца там пробыла, это то, что ты...

Н.Ф.: Не съела здесь.

Г.К.: Да, не съела здесь. Я была очень горда, у меня появились свои деньги. Большое для меня событие.

Н.Ф.: То есть сорок рублей, по-новому четыре рубля, наверное? 54-й — 55-й годы, дореформенные деньги?

Г.К.: Нет, тогда четыреста рублей.

Н.Ф.: Но вы не могли столько заработать, зарплата была семьдесят рублей.

Г.К.: Я знаю только одно. Мама спросила: «Куда ты хочешь потратить?» Я сказала: «Давай купим моей сестре туфли». Значит, туфли стоили сорок рублей, либо сорок, либо четыреста. На это купили туфли, лаковые, как Нинка моя мечтала, черные лакировки. Вот. Просто черные лакировки.

Н.Ф.: Вы заработали свои первые деньги и купили сестре туфли?

Г.К.: Во-первых, это красивый жест, я всегда это любила, даже девочкой. Во-вторых, впереди был день рождения сестры, 30 августа у нее день рождения. В-третьих, наверное, не знаю, желаний куча, но денег было мало на эти желания.

М.М.: Галя, наверное, сорок, это же 53-й год? Потому что в 56-м мы поступили в университет, и стипендия была двадцать пять рублей. Ну, неважно, столько было перемен на нашей памяти.

Г.К.: Все не запомнишь, пусть социологи помнят.

Н.Ф.: Двадцать пять? Не двести пятьдесят?

М.М.: Если тридцать пять копеек обед был.

Г.К.: Миша, первая стипендия была двести сорок, потому что когда меня обворовали, мне курс собрал сто двадцать.

Н.Ф.: А ваш руководитель КЮБЗа скоро ушел?

Г.К.: Он около года был, потом такая Чиликина недолго была.

М.М.: Евгения Михайловна. Но она еще и до этого была.

Воронежская экспедиция

Г.К.: Да, она вернулась, но не оставила у меня никакого следа. Потом Евстафьев, Евгений Васильевич Евстафьев, при котором была основная моя КЮБЗовская жизнь, и с ним мы ездили... уже на следующий год, весной, меня взяли в КЮБЗовскую экспедицию в Воронежский заповедник. Там было совершенно замечательно. Но что я рассказываю одна?

М.М.: Давай-давай, мне интересно слушать. (*Смеются*).

Г.К.: Но его там не было, он был в другом месте. Это было действительно кюбзовское. Там у каждого из кюбзовцев была своя тема, и, поскольку я уже ездила с Карасёвой и вроде как мышами занималась, я взяла сама тему по мышам. А поскольку я взяла тему по мышам, то заповедник решил использовать нас в мирных целях, как говорится. У них были ежегодные учеты мышевидных грызунов, и они приставили ко мне девочку, мою ровесницу, шестнадцати лет. Сейчас вспоминаю со стыдом за себя, я ей

так много рассказывала про Москву, а у девчонки руки были как подушки, такие жесткие-жесткие мозоли на руках. И когда я спросила, что такое (не помню даже, как ее звали), она говорит: «Ну, я же траву нарываю все лето».

Н.Ф.: Руками, без серпа?

Г.К.: Без серпа, без всего, потому что она рвала в заповеднике. Рвать траву в заповеднике можно было.

М.М.: А косить — нет.

Г.К.: А косить нельзя. Она сама из местных крестьянок. У нее дед был на кордоне в заповеднике, на Каверинском кордоне. И когда дед поранил руку, и я сделала ему перевязку, профессионально, поскольку я еще когда-то, в седьмом классе, была в кружке «Первая медицинская помощь», что-то в этом духе.

” И дед сказал ей: «Вот видишь, учиться чему надо. Вот чего она умеет, а ты чего?» И я потом вспоминала долго, что была горда, меня так похвалили. Мне бы, идиотке, надо было не гордиться, а стыдиться.

Н.Ф.: Почему?

Г.К.: Потому что девчонку-то было безумно жалко.

Н.Ф.: А почему стыдиться-то?

Г.К.: Я гордилась тем, что похвалили меня, а не ее, перед ней я гордилась, перед девчонкой, моей ровесницей. Не то, что меня похвалили, а тем, что я лучше ее вроде.

Н.Ф.: Совершенно понятно, почему дед это сказал, он хотел, чтобы она вырвалась как-то из плена этой жизни.

Г.К.: Может. Но этого я ничего не понимала, а эти руки ее, жуткие, совершенно жуткие руки, помню. Ее приставили ко мне потому, что она наизусть помнила все места, где ставили ловушки. Мы с ней шли, она мне говорила: «Вот здесь, вот здесь...». Она помогала им перед этим, подрабатывала.

Н.Ф.: Ничего не потеряешь с такой.

Г.К.: Абсолютно ничего. Это была очень интересная поездка, опять же хорошая вольница кюбзовская. Чего мы там только не придумывали.

Н.Ф.: Например?

Г.К.: Ну, например, тоже жестокая штука. Придумал, зараза, Ивантер, студент. А там две замечательные вещи было! Во-первых, опять же, учитывая мой опыт ведения домашнего хозяйства, меня назначили заведовать продуктами, еще когда собирались в Москве. Ну, кого-то надо было назначить. И мне сказали: вот ты должна рассчитать, сколько нужно денег на сколько людей. Надо сказать, жили мы, мягко говоря, очень скромно дома, и рассчитывала я естественно так. Еще мне Евгений Васильевич сказал, сколько нужно из расчета на человека в день. Мы это все рассчитали. Тут, конечно, народ был разный: кто-то мог много денег отдать, родители, кто-то не мог много денег отдать.

Н.Ф.: То есть вы на свои деньги ездили? Никакой поддержки от государства не было по этим экспедициям?

Г.К.: Нет-нет, и от зоопарка ничего не было, мы скидывались. Заповедник, конечно, нам даром предоставлял жилье. Более того, мне за мышевидных грызунов ничего не заплатили, а двое других наших девчонок обследовали дуплянки на предмет сонь, чтобы их не занимали сони, а занимали птицы, им заплатили.

Н.Ф.: То есть сонь выгоняли?

Г.К.: Сонь выгоняли. Им заплатили, и это пошло в общий котел. Никто даже не разрешил об этом подумать. Тут же Ивантер сказал: «Ну, конечно, в общий котел». Он был старший.

Н.Ф.: А сони, кстати, там были лесные, в основном?

Г.К.: Лесные. Замечательные! Все привезли домой, потом у всех у нас жили сони. Так вот, рассчитали, по моему, две банки тушенки на котел в день, а на кашу тоже две банки сгущенки. В общем, короче говоря, было все рассчитано. Рассчитано — закупили. У меня был расчет, и я выдавала или, может, не выдавала, а дежурные брали, как полагалось, две банки тушенки и две банки сгущенки. Приехал студент Ивантер. Ивантер! Сам Ивантер приехал! Он сказал: «Что-о-о? Две банки сгущенки! Это невозможно! На десять человек две банки сгущенки — нет». Четыре тушенки, пять... уж не помню, сколько. В общем, жизнь наша захорошела. Но когда через неделю кончились тушенка и сгущенка, тут накинулись на меня, и первый же Ивантер: «Ты почему не рассчитала ничего?» Эту обиду я запомнила на всю жизнь. Собрали бы они по тысяче рублей, я бы и рассчитала иначе. Но мне сказали по рублю или полтора в день, я так и рассчитывала. Обидно было очень. Когда кончились деньги, я не помню, как мы извернулись. Помню, что поехали в Воронеж и закупили новые продукты. Видимо, то, что заработали на сонях, пошло туда. Может быть, что-то доплатили и студенты Ивантер и Длусский, который тоже был там. Я знаю только одно: я у мамы денег больше не просила, я бы и умерла, не попросила.

Н.Ф.: А билеты были куплены заранее обратные?

М.М.: Кто же помнит. Тогда это не было принято, наверное, покупали сразу.

Г.К.: Не знаю, билеты меня не касались, поскольку этим заведовал кто-то другой. Может, сам Евгений Васильевич заведовал билетами. Но я не помню, чтобы нас попросили с родителей взять еще денег, я бы это запомнила. Как-то этот вопрос разрешился, как-то мы оттуда вернулись. Так вот Ивантер придумал: «Давайте мы сделаем касты, чтобы у нас были касты». На самом деле это была вещь жестокая.

М.М.: Педагогическая ошибка.

Г.К.: Педагогическая ошибка, да. Значит, была каста «начальство».

Н.Ф.: Куда входил сам Ивантер?

М.М.: Нет.

Г.К.: Нет-нет-нет. Каста начальства, куда входил Евгений Васильевич и Танюшка Евгеньева, которая «мама Таня», она всегда была положительная, всегда была замечательная.

Н.Ф.: Она вам помогала?

Г.К.: Нет, она нашего выпуска. Татьяна Петровна Евгеньева, теперь соответственно сотрудник ИПЭЭ, она была завлабораторией, сейчас она лабораторию отдала. Она нашего выпуска кюбзовского, наша ровесница.

Н.Ф.: Так почему ее произвели в начальство?

М.М.: Потому что она такая положительная.

Г.К.: «Мама Таня» — это прозвище, а совсем не чья-то мама. Мам там вообще не было ни одной.

Н.Ф.: Я очень удивился, потому и спросил.

Г.К.: И Евгений Васильевич. Дальше была каста «горлодѣры», куда входили Ивантер и я. По моему, никого больше и не было.

М.М.: Нет, по моему, кто-то еще был.

Н.Ф.: А вас там не было?

М.М.: Нет, я там не был.

Г.К.: Его вообще там не было. Там открылось, что Генка Длусский пишет песни. Надо сказать, что открыла это я и, по вредности характера, тут же это открытие обнародовала. Он мне спел наедине, когда мы с ним в лесу шли где-то, он мне сказал, что сочиняет песни. Как только мы вернулись: «Ребята, что я знаю! Я знаю, Генка Длусский сочинил песню». Хотел он этого или нет, но от этого потом всякие кубзовские песни стали происходить. Я была первооткрыватель Длусского как таланта.

Н.Ф.: А Мень был старше?

М.М.: Он ушел в ВООП.

Н.Ф.: Понятно. А Воронцов остался?

М.М.: Ну, как. Он появлялся как Красно Солнышко, так сказать, очень редко.

Г.К.: Я его не помню.

Н.Ф.: Он был студентом?

М.М.: Да, он был студентом, к нему со всяческим пиететом относились, но он не принимал участие в жизни нашей.

Г.К.: Да-да. Из студентов там большое участие принимали Длусский и Ивантер.

Н.Ф.: Длусский был ведь тогда еще ребенок. Он сочинял песни, будучи еще школьником?

Г.К.: Нет, он был уже студентом. Приехали двое студентов — Длусский и Ивантер, они были среди нас, школьников.

М.М.: Вообще долгое время Ивантер фактически был руководителем КЮБЗа, потому что Евстафьев, он неплохой мужик был, но, конечно, этой вольницей управлять не мог. А Ивантер был, что называется, в авторитете. В общем, надо сказать, положительно он управлял. Хотя с этими кастами — его была идея, им пришлось прикрыть это дело, потому что действительно началось размежевание.

Г.К.: Вот почему я говорю, что касты — это жестокая вещь, потому что дальше была каста «дворняжки» — в основном наши девчонки. Это все ничего, веселое было дело. Потом была каста «троглодиты».

М.М.: Сыроечковский там был.

Г.К.: Сыроечковский там был. Но потом была каста «помойка», конечно, это было жестко. Каждая каста должна была придумать себе гимн...

М.М.: Герб.

Г.К.: Герб, что-то еще. Это было забавно, все мы придумали, в частности, «дворняжкам» я помогала придумывать гимн. Но «дворняжки» и сами были не промах. Там была такая Ольга...

М.М.: Самонова.

Г.К.: Галя Самонина, а Ольга Самонова. Замечательная была личность. Марьянка Аксютинна. Они и сами были не промах.

М.М.: Томка Кабанова.

Г.К.: Томка Кабанова. В общем, это была забавная игра, но, конечно, жесткая игра.

М.М.: Она стала перерождаться в то, что может сейчас в школах произойти в связи с религиозным воспитанием. Возникает: это мы, а вот это вы. Начинается, как игра, а затем... Правда, хватило ума и у

Ивантера, и у других это дело на тормозах спустить, и оно не пошло дальше.

Н.Ф.: Вообще, надо сказать, что в кружках, насколько знаю, я в ВООПе не был, но в ВООПе моего времени всякие такие вещи, которые можно сейчас было бы назвать дедовщиной (тогда так не называли), были очень распространены, вплоть до порок.

М.М.: Нет, в КЮБЗе этого не было. Максимум за лоханкизм могли «на попа поставить». Лоханкизм — это когда кто-то жрет тайком.

Г.К.: Это очень плохо.

Н.Ф.: Страшное преступление.

М.М.: Не буду называть фамилии, но двоих знаю, кого за это дело хватали, переворачивали на голову и стучали головой об пол, ну, не сильно, а так, символически. Это называлось «поставить на попа».

Г.К.: Хотя, конечно, понимаете, аппетит у всех разный, жрать хотелось всем, и кто-то мог, как говорят, себя смирить, а кто-то нет.

М.М.: Да ну, брось ты...

Н.Ф.: Конечно, по тем временам есть где-то в спальнике, что-то грызть, это и в ВООПе считалось лоханкизмом. Это термин был общекружковский. Я даже, кстати, изобрел другой термин, потому что кюбзовцы младших поколений у меня на одной практике страшно пьянствовали тайком. И я их обвинил в алколоханкизме. Что алколоханкизм является преступлением по всем законам. В общем, говорил всякие несдержанные вещи, что если у кого-то алкозависимость, то я буду выдавать столовую ложку перед сном спирта и так далее. И это как бы тоже была уже тема, продолжение: следующие кюбзовцы передавали, что вот он не любит КЮБЗ.

Г.К.: Я в лоханкизме не грешна никогда никак, но должна покаяться вот в чем: поскольку мы жили трудно дома, я это понимала с детства и крепко. Вот все скидываются на бублики или что-то такое, а у меня тридцать копеек на трамвай и все. Тридцать копеек на трамвай не отдаю, потому что мне еще надо ехать домой. А бублики ем. Все на что-то купили общее.

Н.Ф.: На это всегда в кружках не обращали внимание.

Г.К.: У нас тоже.

Н.Ф.: Когда я вел кружок, там всегда... вдруг какой-то ребенок с бутербродами с икрой приезжает, конечно, это все делилось. Когда у одного просто хлеб с маргарином, а у другого с красной икрой.

Г.К.: Нет, понимаете, деньги-то есть в кармане, но деньги на трамвай.

Н.Ф.: Нет денег, что же делать. Съесть бублик, а потом идти пешком?

Г.К.: Далековато. От зоопарка до Люсиновской улицы пешком далековато было. Так на чем мы...

Н.Ф.: Воронежская экспедиция, лоханкизм, роль Ивантера, касты... На кастах. Как-то стали смягчать все.

М.М.: Их отменили просто. Как исторический факт сохранилось, гимны сохранились.

Г.К.: Да, гимны сохранились.

Н.Ф.: То есть касты существовали только это лето?

М.М. и Г.К.: Только лето.

Н.Ф.: Интересно, касты... Имелись в виду муравьи, биологический мир или Индия?

Г.К.: В том-то и дело. Каста «помойка» — это были...

Н.Ф.: Неприкасаемые?

Г.К.: Таки да...Они не были неприкасаемые, но отношение какое-то такое было. Надо сказать, идея была Ивантера, все эти касты.

Н.Ф.: (*Усмехаясь.*) Во всем виноват Ивантер.

М.М.: Как Чубайс. (*Смеются.*)

Г.К.: Так и было: заповедник заплатил...

Н.Ф.: За сонь?

Г.К.: За сонь, и это пошло на продукты.

Н.Ф.: Интересно, какая идея? Идея была в том, что птиц больше загнездится, будет лучше лесу?

Г.К.: Да. Сонь надо выгонять. Мы все домой растащили этих сонь.

М.М.: Ивантер привез домой, по-моему, двух самцов и двух самок. Я не помню, что стало с самками.

Один самец убежал, мама Ивантера сказала: «Эрик, он размножится». А Эрик сказал: «Мама, успокойся, это самец, он не размножится». Потом убежал второй самец, и мама сказала: «Ну, теперь-то они обязательно размножатся».

Г.К.: Вот КЮБЗовское было такое лето. А потом что? Я перестала ходить в КЮБЗ пять раз в неделю, потому что объединили женские и мужские школы. Я перешла в другую школу, и вдруг выяснилось, что уроки надо готовить.

Последние школьные годы

Н.Ф.: Разница в уровне преподавания в женских и мужских школах существенно отличалась? Или это была конкретная школа?

М.М.: Нет, это была конкретная школа.

Г.К.: Это была в основе женская школа, но школа очень высоких требований. Я, честно-то говоря, до этого уроки... ну, как-то делала, но не сильно на это время тратила. Два раза в неделю бассейн, пять раз в неделю КЮБЗ — конечно, выше крыши. И когда я слетела на тройки... а дома, понимаете, дома требовали хороших оценок. И не потому, что я хотела быть отличницей, а потому что как-то в семье было поставлено: маму обидеть нельзя. Когда мама говорила, что нужно, значит, нужно, и деваться некуда. И когда в первую четверть школы была угроза «тройки» по-немецкому и «четверки» посыпались по всем остальным предметам, то бассейн брошен был мгновенно, а КЮБЗ был сведен с пяти раз в неделю до, по-моему, трех или двух раз в неделю. Конечно, я продолжала в зоопарк ходить, тогда уже я занималась рысками.

Н.Ф.: Вас пускали в вольеры, вы могли заходить к животным?

Г.К.: Когда я занималась тиграми, меня пускали внутрь «Острова зверей», там же вход есть. Прекрасно помню, как там было интересно все внутри. Но не пускали, конечно, в вольер.

Н.Ф.: Тогда уже не пускали? Потому что во времена, когда моя мама была в КЮБЗе, они кормили животных.

М.М.: Ну кормили... Она гладила тигрицу, за это выговор схлопотала.

Н.К.: Я гладила... там же, на «Острове зверей», клетки.

Н.Ф.: Ах, через клетку?

Г.К.: Конечно, я через клетку гладила.

М.М.: Как говорила Мирдза Кришьяновна Крумина, которая заведовала секцией: «Вас съедят — вам хорошо, а мне отвечать».

Н.Ф.: Выговор по КЮБЗу?

М.М.: По зоопарку, ее лишили права на что-то такое... какие-то ограничения.

Г.К.: Видимо, не сильное ограничение, я не очень помню.

Н.Ф.: Понятно, довольно серьезное нарушение техники безопасности.

Г.К.: Кто работал на площадке молодняка, те были с живыми тигрятами.

Н.Ф.: То есть КЮБЗовцы на площадке молодняка работали? Сейчас дети не имеют такой возможности.

М.М.: Но, по-моему, ее и нет сейчас, площадки молодняка.

Н.Ф.: По-моему, тоже нет, идея-то неправильная.

М.М.: Идея глупая. При КЮБЗе тоже было несколько животных, в том числе гибрид волка с овчаркой, Ночка такая.

Г.К.: И свои клетки были у нас.

М.М.: Да, и Ирка Целищева работала, и как-то ее порвал этот гибрид. Потом на каком-то КЮБЗовском сборище дарили ей бинт и йод, и Длусский писал, или, не помню, кто: «Когда опять гибрид захочет тебе конечность отгрызть, залить ты йодом сможешь тотчас и бинтиком перевязать».

Г.К.: А потом, что потом? После девятого класса я уже поехала (в КЮБЗ ходила уже не пять раз в неделю, а меньше), в Воронежский заповедник. Десятый класс. А после десятого класса поступать надо было. И, хотя у меня была медаль, чему Михаил Валентинович был страшно удивлен.

М.М.: Да, она у меня по КЮБЗу ну никак с отличницей не ассоциировалась. Такое было нечто... я же говорю — Пеппи Длинный чулок. Страшно удивился.

Г.К.: А я-то получила медаль и вообще стала отличницей исключительно ради мамы. Помню, пришлось бросить... бросила бассейн с ходу, вместо пяти дней в неделю ходила в КЮБЗ два или три раза. И какой-то еще мама от меня жертвы потребовала. Помню, что я просто буквально валялась по полу, кричала: «Это моя жизнь, как хочу, так и будет! Не хочу медаль, не хочу медаль, и не надо мне никакой медали!» На что мама сказала, два раза в жизни она мне напомнила: «Слушай, я тебе разрешала все. Ты ходила в КЮБЗ, ты ездила в экспедиции, я тебе все разрешала. Я никогда тебя ни о чем не просила. Прошу тебя сейчас. Тебе так легко получить медаль, ну попробуй, сделай это ради меня». Крыть было нечем, медаль была получена.

Н.Ф.: Такие отношения были, что вы могли действительно валяться на полу и кричать?

Г.К.: Да-а-а. Это было физически, я прекрасно помню.

Н.Ф.: В общем, вам было немало лет, уже лет пятнадцать.

Г.К.: Не пятнадцать, семнадцать, это был десятый класс, когда я что-то зафордыбачила, и где-то мне грозила четвертная «четверка», что-то такое было.

Н.Ф.: А мама работала где-то в другой школе?

Г.К.: Нет, мама работала в моей школе, от этого мне было...

Н.Ф.: Еще тяжелее.

Г.К.: Не то слово! Даже класс, если я чего-нибудь отчебучу, сочувствовал... Химичка: «Клевезаль, маму вызову!», и класс: «Ну почему маму? Делайте все с нами, ну почему же ей сразу обязательно маму?» Надо сказать, за меня очень заступались в этом плане. А мама преподавала не в нашем классе, она в младших классах преподавала, а я была в старших.

Н.Ф.: Понятно.

Г.К.: И жизнь моя была...

Н.Ф.: Тяжелее.

Г.К.: Много тяжелее. Например, география у нас была в девятом классе и шла в аттестат, а экзамена не было. И преподавала географию учительница, у которой с мамой был скандал. Скандал был не из-за мамы: какой-то класс, седьмой класс, потребовал маму вместо нее. Мама была очень хорошим, мягким человеком, в отличие...

Н.Ф.: Потребовал в качестве классного руководителя?

Г.К.: Да, классного руководителя.

Н.Ф.: Это всегда очень обидно учителям.

Г.К.: И конфликт. И тут я в ее классе. И она такую выработала тактику: вызывала меня в конце урока, и если я отвечала нормально, звонок — садись, она не успела спросить. Если я отвечала плохо, чуть-чуть, садись — «четверка». И мне грозила «четверка» по географии: у меня было «пять», «четыре», «пять», «четыре» — по четвертям. Тут класс за меня, честно говоря, не заступался, потому что, ну, как можно было заступаться?

Н.Ф.: Все объективно как бы.

Г.К.: Все объективно, все нормально. Но тогда я уже закусила удила, и спросила у мамы, какие у меня есть права. Мама сказала: «Комиссия». Я сказала: «Пусть будет комиссия». Создали комиссию, я на комиссии отвечала географию. Получила «пятерку», «пятерка» пошла в аттестат. А так могло быть «четыре».

Н.Ф.: Да, скорее всего, и пошла бы.

Г.К.: Так что, честно говоря, мне от мамы там радости было немного. А почему я попала в мамину школу — это тоже история, те времена характеризующая. Нашу женскую школу разделили пополам, меня определили в другую школу и говорили: «Тут тебе через дорогу идти, туда тебе нельзя». А в ту школу — Мытная улица, и в ту, и в другую школу через дорогу. Но почему-то в этой школе оставить нельзя, а там, где Мытную переходить, туда надо. Школа была противная, мама узнала, что школа слабая, хотя и Люсиновская была несильная. Но там другое, там учились ребята, с которыми мы дрались во дворах. И мне в ту школу очень не хотелось. Я говорю: «Мам, не хочу. Сходи в РОНО, чтобы меня в моей школе оставили, ты же можешь пойти в РОНО, чтобы меня в моей школе оставили». Мама пошла в РОНО, она сказала, что она учительница, ей сказали, что категорически нельзя.

Н.Ф.: Нельзя оставить в той школе?

Г.К.: Нельзя. Потому что есть районирование, и наша сторона Люсиновской улицы отходит туда, а та отходит сюда. И категорически нет. Только вот так.

Н.Ф.: Интересно, тогда были дворовые войны: двор на двор?

Г.К.: Ой, да какие, какие войны были!

Н.Ф.: И вы участвовали на стороне мальчиков?

Г.К.: Естественно, не на стороне девочек же?

Н.Ф.: Почему «естественно»? Это для меня совершенно новый исторический аспект.

Г.К.: Правда? Нет, у нас были войны жуткие, мы дрались.

Лежали почему-то старые бревна липовые во дворе, и мы этим лыком наотмашь друг друга хлестали. Страшное дело было.

Так вот, мама стала просить, чтобы меня оставили. Ей сказали, в любую школу другого микрорайона: «А вы в какой школе преподаете?» Она говорит, в какой школе (мне далековато было) через Серпуховку, на Новокузнецкой где-то, там ее школа была. «Вот туда — пожалуйста, мы переведем».

Н.Ф.: Понятно, что это не очень педагогично.

Г.К.: Абсолютно. Они говорят: «Здесь ей через улицу переходить». Мама говорит: «Там тоже через улицу переходить: там через Мытную, а тут через Люсиновскую». Но правила, понимаете. Они разрезали кусочками, кусочек этой школе, кусочек этой школе.

Н.Ф.: А то, что ученица в школе, где мама учительница, это к правилам не относилось.

Г.К.: Не относилось: «Тогда заберите ее к себе».

Н.Ф.: А про драки дворовые... ваш конгломерат из чего состоял? Только узкий двор или несколько домов? С кем вы соперничали?

Г.К.: В первую очередь наш подъезд, где и девчонок-то было — Светка да я, а остальные пацаны. Наш подъезд был отделен от соседнего подъезда, но мы не с ними дрались, мы дрались с другим двором. Это заключенное домами пространство, другой корпус, те ребята были из первого корпуса, мы — из четвертого корпуса. Но, надо сказать, в восьмом, девятом мы уже не дрались, естественно. Пятый, шестой класс, в основном, конечно, пятый класс. В пятом классе очень драки были жестокие. А почему про драки вспомнилось?

Н.Ф.: Вы не хотели идти в ту школу, потому что там были ребята из противоположной группировки.

Г.К.: А, да-да! Я же помнила, что мы с ними дрались. Ну вот, и тогда маме сказали: «В вашу школу переведем хоть сейчас». И перевели. В результате я либо ездила, либо ходила пешком довольно далеко туда и поимела все радости от того, что чуть чего... Меня очень часто выгоняли из класса, честно должна признаться, и моя была задача где-нибудь спрятаться, потому что если шел завуч и видел, что я в коридоре, то сразу: «Маме скажу». А дома еще запечатление было, бабушка так внушила, а она умерла, когда я была в пятом классе: самое большое преступление — огорчить маму. На что угодно можешь идти, но чтобы маму не огорчать. Как-то было поставлено в доме так.

Н.Ф.: А как фамилия мамы?

Г.К.: Орлина.

Н.Ф.: Ее отец был священником, репрессирован и погиб. А где он служил?

Г.К.: В Солотче. Село Солотча Рязанской области. Священник в селе Солотча.

Н.Ф.: И мама там родилась?

Г.К.: Да, мама там родилась, у него было трое детей. И когда его расстреляли... Вернее, что его

расстреляли, ни мама, ни ее брат не знали. Они знали, что десять лет без права переписки.

Н.Ф.: То есть 37-й год?

М.М.: 39-й.

Г.К.: 37-й, оказалось, 37-й.

М.М.: Да? А говорили 39-й.

Г.К.: Нет. Это дядя Костя говорил 39-й, а оказалось 37-й, по справке-то.

М.М.: Галя ходила в ГБ, получала справку.

Г.К.: И по этой справке 37-й год, через десять дней после ареста — расстрел, место захоронения неизвестно.

Н.Ф.: Под Рязанью, наверное, где-то, это рязанская тройка НКВД, скорее всего.

Г.К.: Мама моя искренне верила, что десять лет без права переписки... поскольку ему было семьдесят или за семьдесят, она считала, что он не подает о себе вести, чтобы не компрометировать семью. Ее брат, старший, тоже учитель, учитель истории, думаю, он подозревал, что все не так чисто. Будучи историком, он должен был знать. Но когда в 88-м году, после 85-го стало полегче, я его спросила: «Хочешь, я узнаю судьбу деда?» Он сказал: «Не надо». И я это узнавала, когда он уже умер.

Н.Ф.: А почему он сказал: «Не надо»?

Г.К.: Не знаю, не знаю.

М.М.: Ему легче так было.

Г.К.: Он вступил в партию...

Н.Ф.: А, понятно.

Г.К.: Когда я его спрашивала: «Как ты мог вступить в партию, зная...»

Н.Ф.: Судьбу?

Г.К.: Судьбу всей семьи. Тогда уже было известно. Он говорил: «Ты пойми, ведь все-таки... да, дед был хорошим человеком, но у нас Марфуша, работница, она жила в сенях на сундуке».

М.М.: Потом, деда же предупредили.

Н.Ф.: Это дядя?

Г.К.: Мой дядя. Оказывается, деда предупреждали. Дед, надо сказать, считал, что у него с коммунистами все одинаково по вере, только коммунисты Христа не признают. А остальное как полагается.

Н.Ф.: Он не служил уже, храм не был действующим?

Г.К.: Действующим был. Более того, не только действующий храм был. Храм закрыли, дед продолжал проводить все, что полагается, в частном доме.

Н.Ф.: У себя?

Г.К.: У себя, в Солотче. Его вызвали и сказали, что у тебя сад хороший, ты садовод хороший, у тебя пчельник, тебе есть чем заняться, кончай людям голову дурить. Он говорит: «Вы люди идейные, вы должны понять (это мне дядюшка рассказывал), вы люди идейные, должны понять: я рукоположен».

Н.Ф.: Дядя, коммунист, вам рассказывал?

Г.К.: Да. «Я рукоположен, не имею права отказаться».

Н.Ф.: А в каком году храм закрыли?

Г.К.: Вот этого я сейчас, боюсь, не вспомню. По-моему, с год он все это свершал в доме, а, может, меньше года. Это надо будет посмотреть, может быть, где-нибудь можно найти. Честно говоря, не знаю, поскольку деда не застала, родилась через два года после его смерти.

Н.Ф.: Звали его?

Г.К.: Федор Яковлевич.

Н.Ф.: Федор Яковлевич Орлин.

Г.К.: Орлин. У них было жуткое количество детей, то ли одиннадцать, то ли двенадцать, не помню, и большинство стали священниками. И дядя мой, который историк, пошел в духовную семинарию, поскольку тогда из церковно-приходской школы никуда у него другого пути не было. Он кончил ее, но не был рукоположен, потому что их застукали, они в карты играли во время службы, в центре играли в карты, а кто-то сверху...

М.М.: С хоров, наверное.

Г.К.: С хоров увидел. Его выпустили, но он не был рукоположен.

М.М.: И пульку расписывали на каких-то святых книгах, на чистом листе. (*Смеются.*)

Н.Ф.: Хорошие, прилежные студенты-семинаристы.

Г.К.: Он, кстати, говорил, что у них восемьдесят процентов было неверующих в семинарии.

М.М.: Но это был путь. Потом досдал чего-то и поступил в университет.

Г.К.: И кончил исторический факультет университета. А на чем мысль оборвалась?

Н.Ф.: Это я спросил про деда. Мы обсуждали, что вы перешли в другую школу и закончили с золотой медалью?

Г.К.: Я закончила с золотой медалью, несмотря на свою истерику. Помню, что эта истерика, когда я кричала: «Это моя жизнь, как хочу, так жить буду! Я и с медалью и без медали все равно поступлю!» И мама мне тогда так сказала. Два раза в жизни она меня просила, два раза в жизни я пошла ей навстречу.

Н.Ф.: А второй раз был позже?

Г.К.: Второй раз был много позже, когда я выходила замуж за сидящего рядом и сказала маме: «Мама, зачем регистрироваться?» Мама сказала: «Вроде так положено». Тут, правда, не было истерики.

Н.Ф.: (*Смеется.*) «Не хочу! Не буду!»

Г.К.: Я этого не кричала, не каталась по полу, не кричала: «Не хочу, не буду». Просто сказала, логично объяснила, что глупость все это и зачем это надо. Тогда она мне сказала: «Если я тебя попрошу?» Напомнила про всю мою вольницу жизненную и вообще про все.

Н.Ф.: Еще раз.

Г.К.: Еще раз. И я сказала, ладно, раз ты просишь, так уж и быть. Два раза в жизни. Вот такая моя КЮБЗовская эпопея. И с моим этим благоверным я первый раз... Толком я его узнала фактически, когда оказалось, что мы двое золотых медалистов из КЮБЗа. Невольно мы проводили много времени вместе.

Снова КЮБЗ и другие экспедиции

Н.Ф.: Непонятно. (*Обращаясь к Мине.*) Вы все-таки на несколько лет старше?

М.М.: Нет, я по КЮБЗовскому стажу старше.

Н.Ф.: Ах, по КЮБЗовскому стажу!

М.М.: Да-да-да. Мы ровесники, она меня старше.

Г.К.: На месяц, ровно на месяц, почти ровно.

Н.Ф.: То есть вы одновременно заканчивали и школу, и КЮБЗ?

М.М.: Нет, в КЮБЗ она дольше, наверное, ходила, а может, и нет. В студенческие времена мы там редко появлялись уже. Я по крайней мере.

Г.К.: А я до третьего курса появлялась.

Н.Ф.: Михаил Валентинович, а как у вас было с КЮБЗом? Раз вы редко появлялись, не пять раз в неделю?

М.М.: Вы знаете, на зоологию я был обречен еще до рождения, я еще не родился, а мне уже покупали книги Бианки, кстати, «Спутник следопыта», по-моему, тоже еще до рождения моего был куплен, Сетон-Томпсон. То есть меня уже заранее предопределили на это дело. И я с детства ничего другого себе не мыслил. Сперва, по молодости, лет в пять-шесть, я говорил, что буду ветеринаром, потому что никакой другой профессии, связанной с животными, просто не мог себе придумать. Отец в 41-м году, чуть не в июне, был призван в армию, и мы с матерью на Кавказе тогдашнем, сначала в Орджоникидзе, потом в Дзауджикау проводили. В пять лет меня оттуда вывезли в Москву. А в 48-м году мы переехали в Серебряноборское лесничество, отец работал в Институте леса. Он был лесным почвоведом. В 49-м первый раз он меня взял с собой в экспедицию в Теллерман на Хопер, там был стационар. Началось светлое время моей жизни, я с утра до вечера на речке с удочкой пропадал. А на соседнем кордоне в четырех километрах работали зоологи, такой Образцов Борис Владимирович.

Н.Ф.: Брат известного...

М.М.: Брат кукольника. Но это он вам — брат кукольника, а мне кукольник — брат Бориса Владимировича. Очень интересный человек. Потом там была Галя Королькова, Феликс Штильмарк, кстати, подвзбался при Образцове, он тоже пацаном был, но, конечно, старше меня. И я пропадал у них на кордоне, зоологов я просто боготворил. Вообще, нужно сказать, что я, да, думаю, не только я, многие КЮБЗовцы, были довольно противные дети. Например, для меня человек, который не интересовался зоологией, на худой конец ботаникой — вообще не человек был. Во мне никакого интереса не вызывал.

Г.К.: Даже в студенческие годы.

М.М.: Даже в студенческие годы, да. Я поздно понял, что, вообще-то, «быть можно дельным человеком», а зоологией не увлекаться.

Н.Ф.: На самом деле, у меня тоже был повод думать о природе снобизма вот такого. Это страх не быть понятым, потому что нет общих тем: о чем говорить с человеком, если он про птичек ничего не знает.

М.М.: Если он хотя бы не охотник. И у меня среди моих одноклассников настоящих друзей не было, но пара была парней, которые тоже... кто-то охотой увлекался, кто-то рыбной ловлей. С ними я мог общаться, так сказать, у меня с ними были общие темы. А вообще я в 51-м году в КЮБЗ попал, примерно так же, как Галя. Только Галю привела Марьянка Аксютина, а меня Лиана Ульрих, она старше была.

Н.Ф.: А как вы узнали, что КЮБЗ существует?

М.М.: А я Шкляра прочел «Повесть о зоопарке». Думаю, очень многие пришли после этой книги, книга была вдохновляющая. Я приехал, ходил-ходил вокруг, и Лиана Ульрих, очень симпатичная, красивая девушка, уже она к тому времени, по-моему, в десятом классе была...

Н.Ф.: Она имеет отношение к тому Ульриху?

М.М.: Вот этого я не знаю, честно скажу. У меня тоже такая мысль возникала, но, в конце концов, она не ответственна.

Г.К.: Дети за отцов...

М.М.: Да. Она кончала потом пушмех, и я не знаю, куда она делась. Я к ней подошел на территории, и она меня привела. Меня в тот же день приняли, причем табель потребовали, мне пришлось в лесничество мотать еще за табелем, а с табелем-то у меня, с отметками все было в порядке. Табель был обернут в бумажку, на бумажке были нарисованы всякие ножи, лоси, еще что-то и написано: «Охота — спорт смелых». Когда я подал табель бюро КЮБЗовскому, они заржали: «Что тебе вопросы задавать?» Еще я сказал, что был с отцом в экспедиции, ходил с зоологами, они меня так уж спросили, какие там фоновые виды. Я сказал, что горлиц много и сизоворонок. Ну да, говорят, это Воронежская область. Так я попал в КЮБЗ. Но поскольку я жил далеко, то есть сейчас бы это не считалось далеко, из Серебряноборского лесничества мне ехать было полтора часа. Я всегда этим отговаривался, если, там, в бюро меня пытались выбирать КЮБЗовское. Этим же я отговаривался, когда пытались меня куда-нибудь в комсомольские органы выбирать: далеко живу, не могу.

Н.Ф.: Комсомольские органы КЮБЗа?

М.М.: Нет. В КЮБЗе была, кстати комсомольская ячейка.

Н.Ф.: Да, созданная Удальцовой.

М.М.: Да, была, была, по-моему, чуть ли не Лиана там была комсоргом.

Г.К.: *(Усмехаясь.)* При мне уже сильно не было.

М.М.: Естественно, при нас этого уже ничего не было.

Н.Ф.: *(Обращаясь к Клевезаль.)* А вы не были в комсомоле?

Г.К.: Была. В комсомоле была, что вы!

Н.Ф.: *(Обращаясь к Мине.)* А вы были в комсомоле?

М.М.: Комсомол — это особая история, как я стал комсомольцем. Поручили мне за филинами ухаживать и добиться, чтобы они размножились. Я приходил только по воскресеньям, кормил этих филинов, крыс приносил, кроликов им скармливал. Яйцо они одно отложили, но не высидели. А потом я заболел. Даже не заболел, а так получилось. Я был небольшого роста действительно тогда, но крепенький довольно пацанчик. Должна была быть контрольная по математике, и я стал думать, как бы мне от нее откосить. Пошел к врачу и сказал, что у меня вот здесь колет. Не помню, колело у меня, не колело. Но факт тот, что меня послушал врач, отправил в поликлинику, нашли у меня ревмокардит, на год меня положили. И я девятый класс кончал без экзаменов, и вообще занимался дома. Мне носили уроки ребята. Это был не постельный режим, но мне было предписано в основном лежать. За это время я вырос на двадцать сантиметров. И потом я думал, ну, что мне в КЮБЗ идти, вроде я там целый год не был.

Н.Ф.: Это в каком классе? В девятом?

М.М.: В девятом. Я продолжал с отцом ездить, уже он меня использовал в качестве лаборанта, но денег не платил, говорил — неудобно. При почвоведении: стаканчики взвешивать, дистиллированную воду на костре гнать — вот такие вещи. Когда я в КЮБЗ пришел после длительного перерыва, а там, как будто я вчера был. Только говорят: «У! Какой ты длинный стал!» Действительно, вытянуло меня, как хорошую сосну, на двадцать сантиметров. *(Усмехается.)*

Был, конечно, я сложения атлетического! Когда поступал в университет, во мне было метр восемьдесят четыре роста и пятьдесят шесть килограмм веса. То есть почти готовый скелет.

А в КЮБЗ я снова вписался совершенно спокойно, уже филинами не занимался, вообще в зоопарке мало чего делал.

Н.Ф.: То есть самостоятельную работу с вас вообще не потребовали?

М.М.: Нет, была самостоятельная.

Н.Ф.: Не самостоятельная, а как называлась, приемная работа?

М.М.: Нет, было-было, это все было, все я делал. Первую делал по легавым собакам. Собственно, что я делал? Тогда еще не был переиздан Сабанеев, я нашел старое издание Сабанеева и фактически его «передул». Потом у меня были мелкие млекопитающие теллермановского массива, а потом работа, которую я считаю началом своей профессиональной деятельности. Я с отцом был в Орловской области, там есть урочище Моховое — очень интересное место. Там сажены леса, был такой Шатилов, знаменитый лесовод, и он посадил очень много всяких экзотных вещей. Например, есть куски леса лиственничного, по-моему, кедр там есть, подлесок из сирени. И там было очень много птиц. Но что интересно: много птиц, но мало видов. И я, анализируя, так сказать, данные, обнаружил, что дуплогнёздников нет, и объяснил, что одна из причин отсутствия дуплогнёздников в том, что лес в очень хорошем состоянии, дупел нет. И даже из мухоловок только малая мухоловка, которая полудуплогнёздник. Уже шуршало, значит, что-то у парня.

Потом, пока лежал дома, занимался подкормкой птиц. У меня даже есть работа по орнитологии, называется «Подкормка полезных птиц в условиях Подмосковья», опубликована в трудах Московского зоопарка в 56-м году. А написана она либо в 54-м, либо в 55-м. И вот она там с Карасёвой образовывалась, а я после девятого класса поехал с Образцовым опять туда же, в Теллерман, уже коллектором.

Н.Ф.: И уже отдельно от отца?

М.М.: Отец там уже не работал в то время, а я при Образцове. Как ее Карасёва обучала, так меня Образцов обучал. Причем, видимо, я был неплохой работник, потому что мы с ним сперва вдвоем приехали, он меня научил ловушки ставить, что, как. А потом приехали студенты биофаковские, и уже их обучать было поручено мне, и вроде как я был старший в этой команде. Были там Эзка Каляева, Ольга Иванова, некоторое время Ваня Александров был, потом он уехал, а мы там работали. И от Образцова я очень многое поимел. До того-то я все птичками больше интересовался, перестрелял всю орнитофауну, потому что там еще и Судиловская работала, Ангелина Михайловна, и она мне выдавала список, кто ей нужен на предмет изучения среднего уха. И я ходил со своей одностволочкой и с этим списком: «Ага, мухоловка-белошейка, нужно!» Пук! Пук! Тогда КЮБЗовцы на выезды ездили — три пацана, три ружья, три бутылки.

Н.Ф.: То есть на выезды вы ездили, будучи школьником? А в экспедиции?

М.М.: А в экспедиции я ездил потом. И на выезды я не очень часто ездил, более того, КЮБЗовцы ко мне приезжали в лесничество, потому что там было ничуть не хуже, чем в любом другом месте. Там же была такая тройная «запретка», и про те места до сравнительно недавнего времени люди не знали. Там сохранялся кусок, где теперь Крылатское и прочее, немножко в стороне: между Рублёвом и Крылатским, сейчас там коттеджи стоят навороченные. И учился я в Рублёве, в рублёвской школе. Она хотя и числилась московской, но, в общем, тот еще был уровень. И я об университете даже не думал. Сперва хотел в пушмех, потом пушмех перевели в Иркутск, и я был ориентирован на рыбвтуз. Так и думал, что пойду в рыбвтуз.

А потом как-то стало получаться так, что вроде у меня и медаль может быть. Меня классный руководитель

и старшая пионервожатая вызвали в девятом классе и говорят: «Можешь медаль получить, но ты не комсомолец. И если хочешь медаль получить, то надо вступить в комсомол». Я пришел домой, полыхая, стал отцу говорить, что никуда я вступать не буду, в гробу я ихний комсомол видел. А нас двое оставалось в классе не комсомольцев — двоечник заядлый и я, отличник. Отец разумно мне сказал: «Знаешь что, если у тебя есть какие-то идеологические разногласия с комсомолом, конечно, я тебя не буду заставлять. Но насколько я тебя знаю, у тебя вообще никаких идеологий нет. Ты просто чисто из пижонства не хочешь быть как все. Тогда это глупо, потому что действительно у тебя шанс». И я его послушал, вступил, получил медаль.

Н.Ф.: Тоже золотую, серебряных не было тогда?

МГУ, биофак

М.М.: Золотую. Были, были. И нас двое было золотых медалистов из КЮБЗа. Мы с ней вместе собеседование проходили, а потом ходили и мешали своим сверстникам, которые усердно готовились к экзаменам. Мы шлялись к ним и мешали им всяко.

Н.Ф.: То есть вы уже были зачислены на биофак. Это когда было?

М.М.: Да, по собеседованию, 4-го июля, как сейчас помню.

Н.Ф.: Понятно. То есть выпускной...

Г.К.: Нет, собеседование 4-го июля, и довольно быстро, что прошли, мы узнали.

М.М.: Причем, парней брали всех, а девиц не всех. Поэтому Галя немножечко мандражировала. А парней всех брали, один парень поступал с нами (поступил естественно), его спросили, каких он знает полезных грызунов, он сказал: «Суслик и соболь». (*Смеются.*) И ничего.

Г.К.: Я помню собеседование, мы с ним вместе, поскольку вдвоем в КЮБЗе, volens nolens мы все время вместе-вместе шатались. И вот мы вместе едем на собеседование, дождь за окном, в автобусе я смотрю на окно, так красиво. А он мне говорит: «Слушай, там же спрашивают. Ты знаешь каких-нибудь великих зоологов? Там всех спрашивают, всех спрашивают». И он мне перечисляет, я одним ухом слушаю, а сама смотрю, как красиво за окошком. Меня как-то эти великие зоологи в тот момент не сильно интересовали. И меня спросили: «Кого вы знаете из великих орнитологов?» Я говорю: «Сушкин». Мне сказали: «Хорошо».

Н.Ф.: (*Смеется.*) Это вы только что услышали в автобусе?

Г.К.: Только что услышала от него в автобусе.

Н.Ф.: Хорошая память.

Г.К.: Хорошая реакция, быстро среагировала, что можно сказать. А была я в линялом таком платье. Мама сказала: «Пойди в форме». У меня была школьная форма и такое летнее единственное, естественно, довольно сильно линялое летнее платьице. Мама сказала: «Слушай, в форме, платье уже неприличное». Я сказала: «Мама, ни за что в форме не пойду». Мама спорить не стала, иди, как хочешь. Поскольку было прохладно, сверху была лыжная куртка надета. И когда мы подошли к собеседованию, перед дверьми стояли Ольга Ольшевская и Северцев. И Северцев, посмотрев на меня, так жалобно сказал: «Давай я твою курточку подержу».

М.М.: Они уже студенты были.

Г.К.: Да, они уже студенты были.

М.М.: Болеть пришли за нас.

Н.Ф.: Северцев, по-моему, был в ВООПе?

М.М.: Северцев в ВООПе, а Ольга была в КЮБЗе.

Н.Ф.: А откуда он знал КЮБЗовцев?

Г.К.: Мы дружили.

Н.Ф.: Хотя было соперничество.

М.М.: Это такое соперничество, больше показное.

Н.Ф.: Олимпиад никаких не было еще?

М.М.: Были, как же, были.

Н.Ф.: Их же основал, как я понимаю, городские олимпиады, Благосклонов?

М.М.: Да, Благосклонов. Первый раз, по-моему, я был в пятом классе на олимпиаде.

Г.К.: Я в первый раз в восьмом пошла.

М.М.: Первый раз я третью премию получил, а второй раз меня Благосклонов со второго тура выгнал, по моей работе первого тура, потому что я в графе «любимые биологические книги» написал: «Золотой теленок». Не хватило юмора у Константина Николаевича.

Н.Ф.: А у вас его был переизбыток, я бы сказал. (*Смеются.*)

М.М.: А у меня был переизбыток. Наверное, не надо было этого писать.

Г.К.: Главное — гордыня была.

М.М.: Потом где-то я еще, на какой-то олимпиаде вторую премию получил. Но первую так ни разу не получил, я всегда на ботанике летел, на веточках.

Г.К.: Я по ботанике вылетела на третью.

М.М.: А на собеседовании... Собеседование у меня принимали Студицкий, Рябов Василий Федорович и Сорвачёв Константин (не помню, как по батюшке). Меня спрашивали, куда? Я сказал, что ихтиологией хочу заниматься. И кто-то из них нашелся: «Назовите виды рыб, какие вы знаете». А у меня, надо сказать, я все-таки был несколько чокнутый на этом деле, у меня любимая книга была «Частная ихтиология» Никольского. И я все оглавление наизусть знал, и как пошел... А как дошел до «шпрота», Рябов возбудился, сказал: «Шпрота — это закуска». Я сказал, что это не только закуска, но еще и род *Sprattus*, представленный двумя видами *Sprattussprattus* в Балтике и *Sprattusphalericus* в Черном море. Тогда махнули рукой и сказали, давай, парень, вперед! Так что собеседование прошли мы легко и просто.

Г.К.: Парней-то всех брали.

Н.Ф.: А вы? На Сушкине все закончилось?

Г.К.: Нет-нет, меня еще спросили: «Что вы знаете о Ковалевском?» Я спросила: «О котором?» Сказали: «Хватит». И что-то еще. С Сушкиным, конечно, просто повезло, Михаил Валентинович подсуропил. Думаю, честно говоря, наверное, и так бы взяли, потому что такой был жалкий обшарпанный вид совершенно в линялом платице, тоненькая, и вообще, зоология.

Н.Ф.: Нет, ну все-таки Сушкина знает.

Г.К.: Сушкина-то я бы и не знала, если бы он не сказал.

М.М.: Да ладно, не оправдывайся.

Г.К.: Вот про Ковалевского спросила «который?» Много не задавали, надо сказать.

Н.Ф.: Знаете, что интересно. Наверное, были люди, кто бы знал рыб по латыни так хорошо, как вы.

Г.К.: У него память сумасшедшая совершенно.

Н.Ф.: Да, но все равно, дело даже не в памяти. Дело в том, что тогда среди детей знания были очень приоритетны. Почему-то статус в компаниях зависел от знаний, я на себе тоже почувствовал. И это непонятно почему исчезло.

М.М.: Но в КЮБЗе было, не знаю, как сейчас. И это не старческое брюзжание, действительно, в силу обстоятельств, сейчас КЮБЗ не тот. Конечно, слова нет, чтобы они с ружьями ездили куда-нибудь. Причем, это правильно, что не ездят, на самом деле. Мы лупили все пятым номером, а потом эту птичку черта с два набьешь — она разбита. А ведь как считалось: не знаешь птичку, убей и определи. Вот так образование проистекало. И в те времена в КЮБЗе было две категории людей, пользовавшихся авторитетом: люди, которых именно, как вы говорите, за знания — Алик Расницын, Анька Герман.

Г.К.: И тебя. Когда я пришла...

М.М.: Ну, и меня, наверное, да.

Г.К.: Такие здоровые лбы и смотрят на него, и с уважением смотрят.

Н.Ф.: А вы что им рассказывали, помните этот момент?

М.М.: Да не помню я, господи.

Н.Ф.: А вы помните, что рассказывал Михаил Валентинович?

Г.К.: Абсолютно нет, я только помню, удивилась ужасно, что они такого шпендрика слушают.

Н.Ф.: Да, еще не вырос на двадцать сантиметров.

Г.К.: Вот именно.

М.М.: Нет, тогда еще не вырос. И была вторая категория, те, кто в основном шли потом в пушмех: сапоги по пояс, соплю об пол разбить, бить все, что движется, ездить-ездить-ездить, а всякая наука им по фигу.

Н.Ф.: Знаете, сейчас даже есть термин (кружки все-таки сохранились), у них это называется полевизм. Это течение, как бы идеология такая: стоит жить и ходить в КЮБЗ ради полевизма.

Г.К.: С ума сойти, первый раз слышу.

Н.Ф.: Это я от них узнал.

М.М.: Хороший термин. А были люди как бы в промежутке. Тот же Ивантер, он и не дурак был съездить, выпить, пострелять, но он и о науке мог поговорить. Уж чего-чего, а умения поговорить у него всегда хватало. До сих пор вспоминают, как он Алика Расницына уделал в споре, защищая мичуринскую генетику и доказывая Алику, что никаких генов нет и быть не может. И-таки доказал. (*Смеются*).

Н.Ф.: Переговорил.

М.М.: Переговорил, да. Он сам об этом иногда вспоминает.

Н.Ф.: Интересно, Алик отстаивал другую точку зрения в каком году? Александр Павлович.

Г.К.: Он из Ляпуновского кружка.

М.М.: Это он потом уже из Ляпуновского кружка.

Н.Ф.: Будучи в КЮБЗе, он отстаивал точку зрения... какой год-то был?

Г.К.: Это уже старшие классы.

М.М.: Да, 60-е годы. А вот насчет рыб по латыни.

”

Мои родители, по крайней мере, мать, в девятом классе я случайно слышал, она отцу говорила: «С мальчиком что-то не то. Ты знаешь, что он читает? Он читает стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ и частную ихтиологию, он же не читает никакой беллетристики».

Отец ее успокаивал, говорил, что ничего, пройдет. Отец-то, поскольку он у Сукачёва работал, они прямо не попали под репрессии лысенковские, но все время были на грани, потому что Сукачёв как-то ухитрился лавировать. Не генетик, но все равно, внутривидовая борьба и все прочее. И они все время были на вещах, то есть так и ждали, что их тоже прищемят. Сукачёв же к себе Дубинина взял.

Н.Ф.: Сукачёв, известно, сыграл очень важную роль в борьбе с Лысенко.

М.М.: Безусловно, всяческого уважения заслуживает.

Н.Ф.: «Бюллетень МОИП», в котором он был главным редактором, сыграл важнейшую роль...

М.М.: Да-да-да-да. Вообще, родители старались меня особенно по политической части не образовывать. Я даже не знал, что все годы жил на своей родовой земле, потому что Троице-Лыково принадлежало моей прабабке Королёвой.

Н.Ф.: По материнской линии?

М.М.: Да. Правда, чего прабабка не сделала — это она дедушке не оставила ничего, потому что дедушка тот еще был товарищ. Очень я им горжусь, он ухитрился пропить Большую московскую гостиницу в свое время.

Н.Ф.: А он был из купцов?

М.М.: Он был из купцов.

Н.Ф.: А она дворянка, раз владелица Троице-Лыково?

М.М.: Почему? Тоже купеческий род, купили и владели, это не вотчина какая-нибудь.

Н.Ф.: А как дедушку звали, который такой был талантливый?

М.М.: Карзинкин Сергей Сергеевич. Я очень жалею, когда рушили Большую московскую — как бы продолжение гостиницы «Москва», я мимо шел, там валялись решетки с балконов с вензелем «СК», тяжелые были решетки. Но надо было сувенирчик прихватить. Вот ни мне, ни моей двоюродной сестре про это все...

Н.Ф.: (Смеется.) Не рассказывали, чтобы вам не передалось.

Г.К.: Я тоже росла, думая, что дед у меня учитель. Мне не говорили, что дед был священник. Я узнала году в 1956-м.

М.М.: Конечно, про все про это ничего мы не знали и узнавали очень поздно. Так вот, когда я к отцу пришел со стенографическим отчетом сессии ВАСХНИЛ в девятом классе, но все-таки мозги-то были, я говорю: «Папа, я не понимаю: тут люди вроде о науке говорят, а это что такое? Это же, вообще, сплошное словоблудие». И отец как-то говорил: «Ну, да... так вот... нехорошие люди, так сказать...»

Н.Ф.: Воспользовались.

М.М.: Воспользовались, я сейчас уже не помню.

Н.Ф.: Но Лысенко в числе нехороших не упоминался?

М.М.: Нет, был, был. Они же беседовали со своими сотрудниками при мне, поносили Трофима во все тяжкие. Не поминался Иосиф Виссарионович, с одобрения которого, как вы знаете, это все и произошло. И Лысенко хвастался тем, что его доклад редактировал лично Иосиф Виссарионович.

Н.Ф.: Это решило дело, решило ход дискуссии.

М.М.: И даже Юрий Жданов, когда он опубликовал сперва статью «антилысенковскую», а это все-таки Юрий Жданов, сын того Жданова, ему дали по мозгам и сказали «цыц»!

Н.Ф.: И он опубликовал покаяние.

М.М.: Покаяние, совершенно верно. Так что этому всему мы были свидетелями. А в КЮБЗе, может быть, кроме Алика Расницына, никто этими вещами сильно не интересовался.

Н.Ф.: Ивантер, если он спорил...

М.М.: Ивантер мог спорить на любую тему, он просто упражнялся в риторике. Мог бы и в обратную сторону с тем же успехом спорить, и тоже бы победил. Так что он был всегда хорош в этом качестве. Но все равно, конечно, светлая личность была.

Г.К.: И есть.

М.М.: И есть, конечно, слава Богу, есть. Яркие личности были в КЮБЗе. По-разному сложилась у людей судьба, некоторые вообще в биологию не пошли, что для нас было просто даже непонятно. Мы когда-то пустили слух, когда с Галей ходили после собеседования и мешали всем. Мы позвонили Сережке (Сергею Павловичу) Расницыну, который был уже на первом курсе, и его мама сказала: «Сережа ушел в консерваторию». Мы тут же сообразили и пустили слух, что Сережка ушел с биофака и поступил в консерваторию. А надо было знать Сергея Павловича... наш с ним вокальный дуэт был признан худшим дуэтом в КЮБЗе, потому что там ни слуха, ни голоса.

Г.К.: Главное — слуха нет.

М.М.: Но люди поверили! Люди поверили, одна наша знакомая возмущалась, говорила: «Ну как он мог уйти, поступивши на биофак, и уйти в какую-то консерваторию!» (*Смеются.*) Такие были веселые ребята.

Г.К.: Розыгрыш века.

М.М.: Розыгрыш, да. А потом, уже в университете, чем был знаменит наш курс: на ЗП (*зоология позвоночных*) в группе был один мальчик и восемь девок или девять. А все парни ушли на ихтиологию.

Г.К.: Мишка всех сманил.

М.М.: Ну, я, конечно, так прямо! Что я — козел в бараньем стаде, чтобы все за мной?

Г.К.: (*Смеется.*) Так оно примерно и было.

М.М.: Ну нет. Мне все время Благодосклонов это поминал, который меня помнил за хулиганство на олимпиаде, хотя ко мне неплохо относился: «Вы разрушили группу!»

Биостанция на Белом море

Г.К.: Правильно-правильно. После Белого моря, беломорская бригада, где много было знакомых парней и, конечно, Мишка там был.

Н.Ф.: После первого курса вы туда поехали?

М.М.: Да. Там тоже было забавно. Первыми еще зимой поехали несколько человек: Боря Виленкин, Игорь

Успенский, Леня Лисовенко.

Н.Ф.: Только восстановили ББС?

М.М.: Что значит восстановили?

Н.Ф.: Ее основали...

М.М.: Правильно, она вроде как существовала... Но Перцов пришел незадолго. Поехали ребята туда, несколько человек на зимние и договорились, что летом мы приедем уже, так сказать, бóльшей группой. По-моему, десять человек планировалось, чтобы ехали. Это, значит, 57-й год, лето.

Н.Ф.: Простите, а зимой поехали кто, я перебил вас?

М.М.: Виленкин, Лисовенко, Успенский и девочки, из пацанов больше никого не было. А в 57-м году корячился фестиваль в Москве, и сказали, что целины не будет, вы будете хозяевами города, будете принимать гостей. И я на лекции объявил, что образуется бригада на Белое море работать. Все заржали и сказали, если на Черное и не работать, то еще бы поехали, а на Белое работать — ищи дураков. Но Галя записалась, Элька Извекова, примерно десять человек и записалось. Договорились, что Перцов будет нам платить, что он нас оформляет на работу. Потом, когда мы были на чашниковской практике, выяснилось, что хозяевами города вы, ребята, не будете, а поедете вы на целину, все, кроме тех, кто едет в стройбригаду на Белое море.

Н.Ф.: И вдруг стали все записываться.

М.М.: Да, и записалось двадцать человек. Мы Перцову говорим: «Вот двадцать человек». Он говорит: «Ну что, ребята, у меня есть деньги на десять человек, а двадцать... тогда я вам платить ничего не буду, но оплачу дорогу и жратву. Как хотите. Вы, как первые записавшиеся, решайте». Естественно, мы решили, что, конечно, поедем. Двадцать человек, все вместе, поехали, были созданы две бригады. И тоже, надо сказать, очень много нам (мне лично, не знаю, как кому) дала эта поездка. Мы сперва, когда ехали: вот, мы будем днем работать, а по ночам, благо светло, заниматься наукой. По-моему, на одно или два занятия нас хватило.

Н.Ф.: А кто вел занятия?

М.М.: Бродская Вера Александровна и кто-то еще, сейчас уже не помню. По-моему, Свешников успел с нами... Но выяснилось, что после восьми часов махания киркой или работы на пилораме наука уже как-то не ложится. Мы там до октября, по-моему, вкалывали.

Н.Ф.: Все лето практически? После практики, значит, где-то в середине июля вас отпустили и...

Г.К.: После практики, да. Занятия начались первого октября тогда, поэтому мы весь сентябрь там пробыли еще.

М.М.: А что, я говорю, дало? Во-первых, приятная компания была и сплотилась как-то так. А потом Перцов вселил в нас уверенность в своих силах, потому что никто ничего не умел. Кто-то что-то, я, скажем, топором мог махать, копать мог, но когда мне говорили, что нужно полы стлать или, допустим, двери навешивать, и их еще сделать надо. Не умею! Будешь!

Г.К.: Мы потом мечтали, что теперь в КЮБЗе можем сами дом построить КЮБЗский.

М.М.: Действительно, наглость такая...

Н.Ф.: А какой дом вы именно построили?

М.М.: Ой! Мы много чего построили.

Н.Ф.: За одно лето?

М.М.: За одно лето? Нет, за два, мы еще на следующий год ездили. В первый год, помню, котлован копали,

который потом так и не пригодился, для водохранилища, за домами. Была идея...

Н.Ф.: Он использовался, по-моему.

М.М.: Не помню, помню, что там долбали.

Г.К.: В первый год построили склад тот, дальний какой-то. Помнишь, мы еще вальсировали, и на вальсе Перцов говорил: «Вот-вот, плохо положили доску».

М.М.: Потом мы строили центральное, тогда было, здание, я не знаю, как сейчас, деревянное здание центральное. Мы его строили из бруса, фундамент и все прочее. Склады строили. Второй год мы с Толиком Языковым, как особо квалифицированные ребята были выделены, вдвоем строили склад.

Г.Ф.: Это уже традиция, что за еду и дорогу? Так и шло?

М.М.: С тех пор так и пошло. Никому в голову не приходило требовать. Потом стали ездить и другие. Почему-то первой стройбригадой считается бригада 58-го года, хотя, на самом деле, это не так. Первая была в 57-м.

Н.Ф.: 57-й – фестиваль.

М.М.: Да, фестиваль. В 57-м году бригадирами были Валера Барабанов и Игорь Успенский, а в 58-м бригадиром был я. Тоже всех сгребли на целину, кроме тех, за кого Перцов просил персонально. Персонально — это Галя, Элька Извекова, не помню, кто еще там был. Из парней был Саша (Александр Яковлевич нынешний) Супин, потом приехал Игорь Успенский, он сходил в рейс из Дальних Зеленцов. Но Саша пошел по механической части, он Перцову налаживал и трактора, и дизеля, и всё. А топором работать — Игорь да я. И Галя проходила как третий мальчик, она была единственной девочкой, которой можно было доверить топор, потому что кто палец оттяпает себе...

Н.Ф.: Ну-ну.

М.М.: Было такое.

Н.Ф.: Могу себе представить, конечно.

М.М.: Женщина же топором очень оригинально работает: шкант вот так держит. *(Показывает)*. Там хорошо было, хотя тогда был один только выходной, только воскресенье, зато можно было охотиться, где угодно: хоть на Ершовских озерах, хоть где.

А с Сашей Супиным получилось очень интересно в первый год: он попал в бригаду к Игорю, и выяснилось, что Саша, при всем своем незаурядном интеллекте, когда у него в руках топор или лопата, опасен и для себя, и для окружающих. Нам нужно было там вырубить кусок молодняка, и просто рядом стоять страшно было. Тут подошел Перцов и говорит Игорю: «Выдели мне ненужную девочку, я буду тянуть проводку по станции, и нужно, чтобы кто-то за мной провода носил». И Игорь выделил Сашку. *(Усмехается)*. Смотрим, на следующий день Сашка с Перцовым, а потом выяснилось, Саша из всех из нас самый полезный человек на биостанции. Потому что топором-то махать и дурак может, а он Перцову какие-то дизеля наладил, тракторы. Потом на тракторе этом работал. То есть каждый причиняет пользу, будучи использован на своем месте.

Н.Ф.: А Феликс не ездил, Дзержинский, с вами?

М.М.: Он же старше, он там в качестве студента был.

Н.Ф.: Он Шемякину ровесник.

М.М.: Они как студенты там были, занимались наукой. Но выходили на общественные работы, так называемые. В шесть часов мы кончали...

Н.Ф.: А была уже в те времена практика на ББС?

М.М. и Г.К.: *(Вместе.)* Да.

Н.Ф.: Потому что был довольно большой период, когда ее не было для младших курсов, не для беспозвоночников.

М.М.: Нет, для младших не было. Была для беспозвоночников, и там много работали аспиранты разные, причем и биохимики бывали, и ВНДэшники.

Г.К.: И биофизики.

М.М.: Биофизики с физфака, да, но это уже в 58-м году. Возила их Ляпунова Туся. С ними приезжала. Два года, два лета мы там работали.

Н.Ф.: Вы считаете, что это была просто школа жизни?

М.М.: Безусловно. Для меня главное было, что «я все могу». Глаза боятся — руки делают, надо попробовать.

Г.К.: Ну да, Перцов так и ставил вопрос.

М.М.: То есть тебя могли поставить на любую работу. Они малярничали...

Г.К.: Это самое простое.

М.М.: Просто — не просто, все равно тоже очень полезно. Бодрое нахальство он вселил в нас: я этого не умею, не умеешь — научись. Плохо мы все делали, конечно, и дома разваливаются те, которые мы строили, и полы...

Н.Ф.: Какие-то стоят, по-моему, до сих пор.

М.М.: Какие-то стоят, какие-то сгорели. Вот склад, который мы с Толиком строили около бани старой, сгорел.

Н.Ф.: И баня сгорела старая.

М.М.: Баню не мы строили. *(Смеются.)*

Н.Ф.: Горит-то не от того, кто строил, а само по себе. А почему там вы всех сманили на ихтиологию?

М.М.: Никого я не сманивал, это легенды.

Г.К.: Мальчиков-то было немного на биофаке вообще по тем временам, и получилось так, что действительно хорошие ребята на Белом море были. В общем, они как-то все потянулись.

Н.Ф.: Вы там ловили рыбу, что-то смотрели, называли по латыни? Как это было?

М.М.: Не было этого!

Н.Ф.: Как вы их втянули?

М.М.: Да никак я их не втягивал, это все сказки. Из беломорских пошли на ихтиологию Барабанов и Лисовенко из парней, а Виленкин и Успенский — на зоологию беспозвоночных.

Г.К.: Толик пошел на ихтиологию, но не взяли.

М.М.: Толик пошел, его не взяли, зря, кстати, но может...

Г.К.: ...для его блага. Его не взяли по здоровью.

Н.Ф.: Он пошел на ихтиологию, его не взяли, и он попал в другую группу?

Г.К.: Он пошел на эмбриологию, там был недобор. Понимаешь, туда с тобой пошли самые активные

ребята.

Кафедра ихтиологии

М.М.: Воловик без меня решил идти. То есть если я кого и сманил, то только Барабанова и Лисовенко. Потому что Лисовенко все колебался между беспозвоночными и ихтиологией. Сам-то я на ихтиологию тоже не враз решил, хотя уже при поступлении говорил, что пойду на ихтиологию. Но у меня большая симпатия к птичкам всегда была и осталась, я еще думал, может быть, все-таки пойти на ЗП. Но я походил на кружок на ЗП.

Н.Ф.: А кто вел?

М.М.: Ой, вы знаете, не помню.

Н.Ф.: Чабовский?

М.М.: Чабовский точно вел, когда мы еще в школе были.

Н.Ф.: А до него Воронцов, я знаю, что вел.

М.М.: Да, но к Воронцову я не ходил.

Г.К.: На первом курсе никакого кружка не было вообще.

М.М.: Лобачев его вел, вот кто!

Г.К.: А! Лобачев. Но это на втором когда мы были

М.М.: Да, а на первом не помню, может Чабовский, может нет. И я походил на коллоквиумы кафедры, и потом походил на ихтиологию. И так мне, видимо, не везло что ли, потому что, когда я слушал доклады на коллоквиуме ЗП, не мог понять, чему меня здесь учить-то будут? Там докладывал, лекция или доклад, Благодосклонов, как они скворечники сближают, сближают... Что за наука такая? А на кафедре ихтиологии — секторальные графики, спектр питания, пищевой спектр, коэффициент корреляции! Не знаю, что это такое. А раз не знаю, интересно же, надо узнать. Опять же, Георгий Васильевич Никольский очень яркая была фигура, своеобразная.

Н.Ф.: А вы, при ваших генетических настроениях, понимали, что Георгий Васильевич в общем-то придерживается...

М.М.: Понимал, и он понимал, что я понимал, и очень огорчился.

Н.Ф.: Чему огорчился?

М.М.: Что я вот такой...

Н.Ф.: Вейсманист-морганист.

М.М.: Ну да.

Н.Ф.: А как он понимал? Вы же еще не поступили к нему.

М.М.: Нет, когда я уже поступил. Понимаете, какая была история. В те времена, если ты занимался динамикой численности рыжей полёвки где-нибудь там, в Волгоградской области, в Сталинградской, или питанием леща в Рыбинском водохранилище, ради Бога, занимайся, никто тебе ничего не скажет. Но как только ты хоть чуть поднимался до обобщений... Например, тогда модно было заниматься изменчивостью, теперь почему-то считается, что там все решено, хотя это не так. Вот ты начинаешь заниматься изменчивостью, естественно, возникает вопрос: генотипическая, паратипическая? К тому времени уже Трофим был на заходе, но все-таки его сподвижники занимали места, в журналах

в частности. Поэтому протащить в журнале даже такое слово, как генотип, было проблематично. А Георгий Васильевич, он был убежденным... не лысенковцем, он всегда отказывался, но, конечно, ламаркистом. Они себя вели прямо от Энгельса, говорили, что все у них по Энгельсу, диалектически. А я никак не мог понять, в чем, так сказать, прелесть диалектического материализма вообще, и в приложении к ихтиологии в частности, что его очень огорчало, потому что ко мне он относился очень хорошо. И я к нему очень хорошо относился, и я его чрезвычайно уважал и уважаю посмертно. Он эрудит был потрясающий, действительно про свою науку знал все. Прихожу я, гордый тем, что нашел какую-то статью в Acta Otolaringologica Scandinavica про отолиты рыб. Он говорит: «Да-да-да, это в таком году в таком выпуске...», и чуть ли не страницу называет.

Н.Ф.: То есть память была фотографическая?

М.М.: Уж не знаю какая, но это впечатляло. Очень хорошие были личные отношения, но он все время огорчался.

Н.Ф.: А были какие-то споры, обсуждения?

М.М.: Были-были-были.

Н.Ф.: Вот это очень интересно.

М.М.: Были, как же. В каком году-то книгу Майра я перевел, в 68-м? Естественно, я ни у кого разрешения не спрашивал, взял да перевел. Деньги нужны были, и вообще мне тогда нравилось это дело. И он тоже огорчился, говорит: «Что же вы вроде популяризуете этого (как же он его обозвал?) позитивиста?» Или это меня он позитивистом обозвал. Я уж не помню. Нехороший человек, в общем. И потом мне говорил всегда: «Ваш друг Майр, ваш друг Майр». Как-то он мне говорит: «А знаете что, сделайте у нас семинар по Майру, а я вас разнесу». И я сделал семинар. И пришлось сворачивать это обсуждение быстренько, потому что когда он сказал, что вообще социал-дарвинизм проистек из синтетической теории, я ему ответил: «Георгий Васильевич, я вам из ламаркизма, не отходя от кассы, такой фашизм сделаю, что любо-дорого». И тут руководитель семинара Белецкий, философ, сказал: «Все-все-все, кончаем-кончаем-кончаем». (*Смеются.*)

Н.Ф.: Это философский был семинар? Не научный, Белецкий — это слепой...

М.М.: Да-да-да.

Н.Ф.: Симпатичный был человек.

М.М.: Вполне. Видите, тут что хорошо? Мы вспоминали. Да, философские семинары, никуда не денешься, надо проводить. Но в некоторых заведениях это действительно превращалось в догматическое цитирование классиков. А скажем, в нашем потом институте, я имею в виду в ИБРе, да и на кафедре, это все обретало... вроде оно как и философия, но применительно к науке нашей. Вот я и говорю, пока ты занимался фактологией — «гуляй, Вася!» А как только чуть-чуть до обобщений дошел — тут начиналось... нельзя противопоставлять генотипическую и паратипическую изменчивость, потому что диалектическое единство.

Н.Ф.: А Никольский, его ламаркистские представления были связаны со школой механоламаркистов, которую возглавлял...

М.М.: Смирнов?

Н.Ф.: Смирнов, Вермель, Кузин?

М.М.: Нет. Думаю, что нет.

Н.Ф.: Он был самостийный такой ламаркист?

М.М.: Дело вот в чем. У меня еще дядюшка на кафедре был, Карзинкин Георгий Сергеевич, гидробиолог

довольно известный в свое время.

Н.Ф.: Тоже на кафедре ихтиологии?

М.М.: На кафедре ихтиологии. Ему очень не нравилось, что я пошел на кафедру ихтиологии, потому что нечего семейственность разводиться. Как Галю в школе, так дядюшка меня ... мне сочувствовала вся группа, когда я ему сдавал зачет или экзамен, потому что я должен был учить, чтобы от зубов отскакивало. А когда назначали стипендию и он присутствовал от кафедры... а тогда могли дать, могли не дать, если ты сильно обеспеченный. Он говорил: «Он обеспеченный, ему не давать». Но, слава богу, его не слушали, говорили: «Нет, вы знаете...»

Н.Ф.: А кто вам передавал, что он так сказал?

М.М.: Передавали добрые люди, я уж сейчас не помню, кто. Всегда найдется, кому сказать. Со смехом говорили. Да, может, сам говорил, он не скрывал. Так вот. Он тоже был убежден, у них главный враг был Шмальгаузен, «нехороший человек» вообще. У меня такое впечатление, что в 48-м году их переломало, грубо говоря, перепугались люди. Некоторые переломались, а когда был снят пресс, распрямились, но это люди очень самолюбивые и не могли признать, что они пришли к таким взглядам из страха. Нет, действительно, они вот убедились... И уже когда можно было двести раз распрямитесь — они продолжали оставаться верными...

Г.К.: Самолюбие выше всего остального.

М.М.: Чем-то напоминает стокгольмский синдром.

Н.Ф.: Скажите, пожалуйста, получается, что Шмальгаузен все-таки до 48-го года был им друг? Это не очевидно.

М.М.: Не знаю, думаю, что нет.

Н.Ф.: У них были иные взгляды?

М.М.: Были, были, безусловно, и у Васнецова, и у Крыжановского, основателей кафедры. Ну, например, организм и среда — это неделимое единство. Там были «спецы», которые знали, что можно говорить, что нельзя. Я говорил всегда то, что нельзя, потому что не мог понять этого просто. Или «все адаптивно», ну, просто как есть.

Н.Ф.: Это у них все адаптивно?

М.М.: У них все адаптивно.

Н.Ф.: Кстати, «все адаптивно» — это и сейчас очень распространенная концепция.

М.М.: Да, да. Но сейчас можно похихикать и пожать плечами, а тогда... Я представлял диссертацию по отолитам трески: отолит как регистрирующая структура. Мне первый вопрос (про слои на отолитах): «А какое их адаптивное значение?» Я говорю: «Да никакого». Чуть в обморок не упала тетя, которая задавала вопрос, она занималась чешуей рыб. Она-таки нашла адаптивное значение у чешуйных слоев.

Н.Ф.: И какое же?

М.М.: Там хитро было. Почему слои образуются? Если бы рыба все время росла, то она обрастала бы чешуей, и ей было бы неудобно двигаться. Я говорил, что у слоев у самих нет адаптивного значения, но у ритмов роста, которые вызывают их образование, конечно, есть.

Н.Ф.: Есть, конечно. Они экономят энергию, не тратят тогда, когда дефицит.

М.М.: Естественно, надо вовремя поесть и вовремя не есть. Но это сейчас смешно вспоминать, а ведь ты не мог опубликовать статью без того, чтобы не высказаться по поводу адаптивности. Но я, по моему, как-то ухитрился, не помню, чтобы где-нибудь это вставлял.

Г.К.: В наше время, когда мы уже начали публиковаться, можно было.

М.М.: Это зависело от того, где. До середины 60-х все-таки была эта планка. Ген как таковой — вообще была крамола. Но это кончилось, первыми начали всякие молекулярщики, когда уже работали с ДНК: вот вам все, ребята, куда вы денетесь? А потом уже где как, очень по-разному.

Н.Ф.: На самом деле интересно выяснить, насколько Никольский и Крыжановский иначе смотрели на эволюцию до 48-го года, когда дискуссия была относительно свободной.

М.М.: Этого я не знаю, до 48-го года ни того, ни другого, естественно, не знал, но говорят, что Никольский в 48-м году, еще до сессии, где-то какой-то доклад сделал, где он Трофима «размазал по стенке» по поводу внутривидовой борьбы и всего прочего. Потом сообразил... действительно, было опасно. Те, кто не прогнулся хоть сколько-нибудь, не сохранили своих постов. Хоть сколько-нибудь, но надо было прогнуться. Вот кроме Шмальгаузена, может быть.

Н.Ф.: И Рапопорт.

М.М.: Рапопорт и потерял все, что мог. Я говорю, и не потерять.

Н.Ф.: Сказать, что Шмальгаузен не потерял — это сильно. На даче занимался опытами.

М.М.: И мне было очень обидно, что Георгий Васильевич, мною глубоко уважаемый... Я же был его аспирантом и сидел по вечерам, работал, а он два раза в неделю на кафедре появлялся. И когда мы с ним беседовали, мне казалось, что ему моя фронда симпатична.

Н.Ф.: Конечно, как сопротивление материала.

М.М.: Может быть. Чем я ему, безусловно, обязан: он меня прикрывал. Говорили: «Он тебя затирает, он тебя затирает». Да ничего он меня не затирает, он меня защищал. Например, очень долго не давал мне быть оппонентом, говорил: «Вы Мишу не трогайте, он такого наговорит». (*Смеются.*)

Н.Ф.: А рецензировать работу на кафедре?

М.М.: Это ради бога.

Н.Ф.: А оппонентом?

М.М.: Оппонентом — значит выносить куда-то. Он за меня не ручался и правильно делал, я бы действительно мог наговорить много чего.

Н.Ф.: Да, еще лысенковские времена.

М.М.: Непонятно было: с одной стороны, вроде как и можно. То ли гений он, то ли уже нет. Межумье такое было.

Н.Ф.: А вам не кажется, что все-таки материал ихтиологии, то, чем вы занимаетесь, чем Сережа Алексеев занимается, пути развития, карликовая форма... была-была карликовая, потом дает рост. Это действительно вызывает сомнение, если ты видишь какое-то видообразование... Фактически это формообразование, которое может в результате привести к видообразованию.

М.М.: Ну так что?

Н.Ф.: Вот, пожалуйста, среда непосредственно влияет. То есть материал для сомнений в синтетической теории эволюции у ихтиологов очень богатый.

М.М.: Да, безусловно, спору нет.

Более того, ведь этот их диалектический подход чем хорош? Можно все, что угодно объяснить и уложить и в единство противоположностей, и отрицание отрицания, и переход количества в качество. Да, господа, да где ж его нет-то?!

Н.Ф.: А почему нельзя было найти это все в синтетической теории эволюции и сказать: «Вот это диалектический материализм».

М.М.: Можно, но почему-то у них против того же Майра... Добржанский — эмигрант, Майр — позитивист или кто он там? Кто-то еще позитивист, сейчас уже не помню, в общем, не наши они люди, не наши. А наше такое: единство организма и среды, все на свете адаптивно. Вообще-то как-то я Георгию Васильевичу говорил, что у Берга в «Номогенезе» (умный человек был, ничего не скажешь), у него в «Номогенезе» есть такая замечательная фраза, что целесообразность есть изначальное и неразложимое свойство живого. При этом утверждал, что он не виталист, он виталистов ругал, говорил, что жизненной силы нет. Я Георгию Васильевичу и говорю: «А это что такое? Это же чистой воды идеализм. Это же нематериальное получается, что за свойство, откуда оно?» Он сказал: «Знаете, конечно, не сумел он это материалистически объяснить. Но по сути-то он прав».

Н.Ф.: Хорошо сказано!(*Смеется.*) А вам не приходилось слышать какие-то дискуссии, совместные выступления Смирнова и Никольского? У них были какие-то расхождения?

М.М.: Видимо, были, потому что они как раз считали, что Смирнов — это ламаркист, а Ламарк, опять же, — не наш человек. То есть кое в чем-то он прав, но, вообще, товарищ Энгельс нам задал правильное направление, и никто нам больше не нужен. А опосля Энгельса сразу Крыжановский. Их система была логична, но до тех пор, пока действительно неясно было, что такое ген. А кто его видел?

Н.Ф.: Вообще говоря, связь ген — признак и сейчас далеко не ясна, так что... Стала ясна материалистическая основа, но отнюдь не как из нее происходит то, что мы имеем.

Г.К.: Куча вариантов, когда так нельзя связать.

М.М.: В свое время бедного Тимирязева ведь тоже втянули в классики мичуринской биологии, без его согласия.

Н.Ф.: Но он умер уже к тому моменту.

М.М.: Умер. Также как и самого Мичурина, кстати. Но у Тимирязева есть такое: его всегда пропагандировали как некоего противника менделизма, а он писал, что не надо путать менделизм и мендельянство, что менделизм, законы Менделя есть, и это факт, но все сводить к этому нельзя. Так он прав был.

Н.Ф.: В общем, да. Да никто не спорит с этим.

М.М.: Теперь да. Но это-то не помнят, а помнят, что он нехорошо про Менделя сказал, а потом помнят, что на него Трофим ссылался. Также как, скажем, у Георгия Васильевича была, на мой взгляд, очень содержательная теория саморегуляции численности популяции, и черт его дернул где-то при Трофиме сказать, что это примерно тоже, что самоизреживание. Трофим не поверил и сказал «Не присасывайтесь...».

Н.Ф.: «Не воруйте у меня...»

М.М.: «Это не то». Трофим-то его не принял, а другие это запомнили. Во ВНИРО был такой Юлий Юльевич Марти, замдиректора, когда он со мной знакомился: «А, вы от Никольского? Самоизреживание?» Я говорю: «Почему самоизреживание? — Ну, саморегуляция».

Н.Ф.: Понятно, клеймо уже.

М.М.: Клеймо. В общем, конечно, я несколько не жалею, что на кафедру пошел, потому что, наверное, диссидентствовал бы я везде, это уж от характера зависит, а подготовку действительно тогда на кафедре, именно ихтиологическую, по тогдашним стандартам, давали качественную.

Н.Ф.: Это фауна, систематика или экология тоже?

М.М.: Систематика, экология, исследование питания. Нигде лучше этого не делали и не делают, и очень жаль, что не делают.

Г.К.: Кафедра была намного сильнее нашей, зоологии позвоночных, то есть не сравнить.

Н.Ф.: Ихтиология была сильнее?

Г.К.: Сильнее, намного сильнее. Мы завидовали, завидовали всегда им.

М.М.: Очень сильно была поставлена эмбриология рыб, исследования роста. Даже статистика у нас появилась, сперва, правда, в очень карикатурном виде, но потом, как раз когда я на кафедре работал, я старался ее как-то довести до сносного состояния. Как сейчас, просто не в курсе. И свое дело наши ихтиологи знали. Не знаю, как сейчас. Сейчас, вообще... кто-то занимается генетикой, секвенирует чего-нибудь, или до недавнего времени «электрофорезил», кто-то моделями занимается.

Н.Ф.: На кафедре?

М.М.: На кафедре. Ксения Александровна Савваитова, недавно почившая, последний, пожалуй, представитель такой ихтиологии. Сейчас просто вынуждены люди... Работа без статистической обработки, без хотя бы митохондриальной ДНК уже не «канаает», что называется, уже скажут, что ты парень... А на самом деле есть очень много вещей, которые стоило бы делать именно на базе кондовых ихтиологических методик и знаний. Никто другой этого не сделает, потому что, в конце концов, генетикой-то и генетики могут заниматься, а скажем, поведением рыб на нерестилищах? Да, на кафедре сильная группа, сам завкафедрой Дмитрий Сергеевич Павлов — поведенец, но брачным поведением они мало занимаются, больше поведением рыб в потоке воды и все прочее. Масса есть вещей, которыми стоило заняться ихтиологам, но под это грант трудно получить. Система грантов, может быть, хороша для молекулярщиков, но целое направление в зоологии она бьет наповал.

Н.Ф.: Например?

М.М.: Например, нам нужно ставить эксперименты с рыбами, которых нужно поскрещивать и вырастить в течение пяти лет. Через пять лет станет ясен результат. А кто нам даст грант на пять лет? А пять лет я ничего ни буду вам, ребята, по этому гранту писать. То есть ты должен сделать как-то так, чтобы у тебя еще было что-нибудь для отчетности на каждый год. Однажды ребята сделали героическими усилиями за пять лет кое-как в Эфиопии, получили интересные данные, но сугубо предварительные, пилотные вещи. Надо этим заниматься серьезно, а кому, за какие шиши? А в те времена, еще в университете, а потом и в ИБРе, ведь как было? Я пишу себе программу на лето, скажем, экспедиционную и несую ее в дирекцию. Дирекция ее, в общем-то, и не сильно читает, она ее подписывает.

Н.Ф.: Института?

М.М.: Института. И программа возвращается ко мне уже как руководство к действию. То есть я сам себе приказываю, чем буду заниматься. Конечно, не без сложностей. Например, я планирую проехать десять тысяч километров. Зная, сколько потребляет УАЗ или б6-й на сто километров, я вычисляю, сколько мне надо бензина. А замдиректора по хозяйству мне усекает этот бензин вполовину. Я говорю, вы поймите, это чистая физика: либо я туда приеду и не вернусь, либо как? Мне туда машину везти на платформе, а оттуда только ехать? А он хихикает и говорит: «А вы на воде научитесь ездить». Начинаешь химичить: где-то за спирт купил, где-то у самосвальщиков приобрел. Были свои ходы, так сказать, то есть криминал на самом деле, мелкий такой, но криминал. Все мы, кто хоть как-то работал, все нарушали, причем,

за некоторые вещи «светило» очень не слабо. Или, допустим, мне нужно в камчатской экспедиции попасть из того места, куда самолеты долетают, в другое место, куда уже не летают, только вертолет может меня туда доставить. А денег на вертолет у меня нет, а какой-нибудь безналичный расчет вертолетчикам на фиг не нужен. И меня учат грамотные люди, как составляются фиктивные договоры. Я в карман ничего не кладу, этого у нас не было никогда, но если тебя «потянут» за нарушение финансовой дисциплины, пойдешь докажи, что ты не украл, а на дело использовал. Хочешь жить, умей вертеться. И сейчас вертятся, и тогда вертелись. Уже когда я перешел в ИБР, с Яблоковым стал работать, с Галей, мы выезжали в апреле на машине и пёрли своим ходом на Алтай, иногда через Кавказ, иногда через Челябинск.

Н.Ф.: На Алтай через Кавказ?

М.М.: Сейчас нет, а тогда, пожалуйста.

Н.Ф.: Через Туркмению в результате?

М.М.: Да-да, Баку, на пароме через Каспий и от Красноводска...

Н.Ф.: А на Кавказе тоже были какие-то научные проблемы?

М.М.: Грызунов Галя там полавливала, Яблоков там ящериц собирал, а у меня-то своих интересов там не было. Ну, как не было? Мы с Галей одно время ... я, можно сказать, почти грызунятником стал, у нас с ней несколько работ есть.

Н.Ф.: Почему вы все-таки ушли с кафедры?

М.М.: Ой, вот этот вопрос я бы не хотел поднимать.

Н.Ф.: Я поступил в 72-м году и закончил как раз в 77-м, то есть какое-то время мы пересекались, я был студентом, вы работали. В 73-м, когда нас распределяли по кафедрам, у меня совершенно не было такого впечатления, что ваша кафедра сильнее нашей.

М.М.: У меня к тому времени тоже не было.

Н.Ф.: Что произошло, почему?

М.М.: Может быть, не главная, но одна из причин: к нам почему-то очень полюбили идти демобилизованные ребята. Чего их тянуло к рыбе, не знаю. В наше время тоже были люди, которые приходили после армии, но их было мало, и они были вынуждены тянуться за школьниками. А здесь все получилось наоборот: поскольку эти рабфаковцы приходили абсолютно, так сказать, забывши, чему их в школе учили, и ухитрялись как-то до третьего курса не выучить ничего... то есть ты даже не знал, как их учить, потому что человек ничего не знает. Проценты считать не умеет, бывали такие монстры. С чего начинать, с таблицы умножения, что ли? И естественно, чтобы их хоть как-то образовать, все снижалось до плинтуса.

Потом, в 77-м году Никольский умер, и, конечно, сразу кафедра утратила шарм, потому что он лектор был великолепный и именно агитатор и пропагандист. Он на дне открытых дверей обычно выступал, и после этого... Потом мне это поручалось, а я, конечно, не мог заменить его в этом качестве, как и в других. Честно говоря, если раньше я на этих же самых днях открытых дверей с легкой совестью мог сказать ребятам, что у вас будет интересная работа, интересные поездки, то уже в эти годы я этого говорить не мог.

Н.Ф.: Почему? В 72-м?

М.М.: Да. Потому что уже с экспедициями стало напряженно. Ведь, понимаете, на чем вознеслась кафедра — на Амурской экспедиции, с 49-го по 56-й фактически год. Вот это объединяло всю кафедру. Кто чем занимался, но все занимались амурскими рыбами, все были заинтересованы в работах. Конечно, на кафедре были свои склочки, естественно, везде это бывает. Но в целом кафедра была. И Никольский, Васнецова я не застал, Крыжановского я на излете застал, но вот эта троица все объединяла, вдохновляла,

направляла. Действительно амурские экспедиции были очень интересными. Как раз завершали мы с Вадиком Трофименко в 59-м году. Как бы мы считались частью кафедры в амурской экспедиции, но, вообще-то, ездили с Институтом гельминтологии, отряд был их, и деньги их, а наше там оборудование и все прочее. Это был конец, потом на Амуре уже таких работ не было. Никольский заметался, стал искать, чем заняться. Одно время он вроде как на моря собирался перекинуться, на северные, на Баренцево, на Белое.

Н.Ф.: Амурская экспедиция при нем еще прекратила существование?

М.М.: Да.

Н.Ф.: Вообще-то странно. Довольно известный человек, он был член-корреспондент?

М.М.: Член-корреспондент, в академики он не прошел.

Н.Ф.: Член-корреспондент, не так много их было на биофаке. Почему такая крупная экспедиция вдруг прекратилась?

М.М.: Я не знаю. Что он мне рассказывал вечерами, там ведь было очень забавно. Их одновременно в 49-м году представляли на государственную премию, на Сталинскую, и одновременно на них было заведено дело в НКВД, поскольку они хотели Амур китайцам продать, с рыбой вместе. И шло соревнование — кто быстрее. Если бы следователи подсустились и раньше бы кончили дело, то вместо Сталинской премии они бы получили срока. Но поскольку раньше успели те, кто оформлял им премию, то дело автоматически было закрыто, поскольку вроде лауреатов Сталинской премии, свежих, нехорошо было сажать.

Н.Ф.: Вам не кажется, что это все-таки немножко легенда, потому что...

М.М.: За что купил, за то продаю. Это то, что мне говорил Никольский.

Н.Ф.: Я чувствую, уже вас утомил. Спасибо.